

ДЖЕЙМС
КЕЙН

Бабочка

АФИКА-КЛАССИКА

Джеймс Кейн

Бабочка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=124984

Оригинал: JamesCain, "The Butterfly"

Перевод:

Е. Иванова

Аннотация

Мировую славу Джеймсу Кейну, одному из основателей «крутой» школы американского классического детектива, принесли его знаменитые книги «Почтальон всегда звонит дважды» и «Двойная страховка». Захватывающий сюжет, мрачная тайна, разделяющая главных героев, любовь, страсть, грех и... преступление – в общем, все то, что так характерно для произведений Кейна, – вы непременно обнаружите на страницах романа «Бабочка».

Содержание

Предисловие автора	4
Глава 1	21
Глава 2	33
Глава 3	45
Глава 4	58
Глава 5	69
Глава 6	82
Глава 7	96
Глава 8	106
Глава 9	117
Глава 10	125
Глава 11	135
Глава 12	144
Глава 13	151
Глава 14	160
Глава 15	173

Джеймс Кейн

Бабочка

Предисловие автора

Эта история возвращает меня к 1922 году, когда я находился под впечатлением от окрестностей реки Биг-Сэнди, и захотел непременно описать ее в романе о жизни горняков, действие которого разворачивалось бы на фоне этой «безобразной и суровой красоты». Я приехал туда, работал на шахтах, вживался в обстановку, что-то сочинял и выдумывал, но вернувшись обратно, понял, что еще не готов взяться за столь серьезный труд; и в самом деле, прошло еще целых десять лет, прежде, чем мне в голову снова пришла мысль о том, что я, пожалуй, смог бы написать роман, ибо тогда я, по крайней мере, уже уяснил себе, что задача это не из простых несмотря на то, что подавляющее большинство людей так не считает. Но тогда я действительно сел писать роман и вспомнил о своей прежней задумке – но только подробности тяжелого горняцкого труда меня уже больше не интересовали, ибо по своему личному опыту я уже знал, что данная тема, хоть и привлекает постоянно некоторых интеллектуалов, но является совершенно бесперспективной для романиста. Теперь мое внимание было приковано к гористой, по-

росшей лесами местности, ручьям с чистой, студеной водой, что журчат среди скал, и бесхитростным, милым обитателям маленьких деревушек, где почти ничего не изменилось еще со времен Дэниела Буна. И вот однажды в Калифорнии я познакомился с семьей из Кентукки, которой принадлежала придорожная закусочная. То, с какой неохотой они говорили о своем очаровательном маленьком мальчике, навело меня на мысль о том, что именно этот малыш и был причиной спешного отъезда из округа Харлан, и постепенно сюжет, родившийся в моем воображении, начал принимать более или менее законченные очертания. Вспомнил я так же и о необычном родимом пятне, характерном для одной из ветвей нашего рода, что тоже оказалось как нельзя кстати. Все получалось довольно жизненно: бесчестье девушки, жизнь в горной деревушке, откуда семье пришлось спешно уехать, отправившись в искать лучшей доли в Калифорнии, и именно это их путешествие, по моему замыслу, и должно было стать главной темой всего повествования; жалкое существование, жизнь в скорбях и лишениях на фоне всеобщего калифорнийского оптимизма и благополучия; в конце концов, одним ясным, солнечным днем, в закусочной появляется молодой человек, ставший виновником всех их несчастий, он заказывает омлет и оказывается лицом к лицу с разъяренным отцом обманутой им девушки.

Оставшись вполне доволен этой фабулой, в начале 1939 года я отправился в Хантингтон и там изъездил вдоль и по-

перек берега обоих притоков реки, совершая прогулки по знакомым местам, подбирая по дороге попутчиков, навещая друзей, подмечая изменения, произошедшие за время моего отсутствия, присматриваясь ко всему. Вернувшись на Запад, я начал писать, дело быстро продвигалось. И тут мистер Стейнбек издал свои «Гроздь гнева». Отказаться от уже начатого проекта было нелегко, но иного выхода у меня не было – по крайней мере, так мне тогда казалось – и я начал работать над чем-то еще. Мало-помалу, отголоски незаконченной книги начали проявляться в других произведениях: ресторан на пляже в «Милдред Пирс» («Mildred Pierce»), ныряльщики, достающие утопленника в «Милом обмане любви» («Love's Lovely Counterfeit»), мятушаяся душа в «Былом бесчестье» («Past All Dishonour»), загнанный в угол, обреченный человек, спешащий изложить на бумаге свои откровения, прежде, чем случится неизбежное – хотя к этому приему я прибегал и раньше, так как зачастую его выбор бывает продиктован столь любимым мною повествованием от первого лица.

Но прошлым летом, когда рукопись «Былого бесчестья» находилась на рассмотрении у различных экспертов, которые должны были одобрить ее, прежде, чем она попадет к издателю, я на какое-то время остался не у дел. И тогда от нечего делать я принялся пересказывать «Бабочку» одному своему знакомому, который внимательно меня выслушал, потом еще какое-то время молча раздумывал над услышанным, а

затем как-то странно посмотрел на меня и сказал:

– Теперь я понимаю, почему литераторы так редко пишут про инцест.

– Почему же?

– А потому, что такое происходит сплошь и рядом, но только не на деле, а в мыслях. Отцы влюбляются в собственных дочерей. Ты точно подметил в своей «Серенаде» про пять процентов первобытности, присущей каждому человеку вне зависимости от того, насколько мужественным он сам себя ощущает. Но только если отец при этом является еще и писателем и сочиняет историю про инцест, то ему так и не удастся побороть в себе страх того, что произведение может получиться черечсур правдоподобным, и тогда все его друзья и знакомые тут же догадаются о его тайных желаниях. Но ведь у тебя нет детей, и лично я считаю, что ты совершил большую глупость, бросив эту книгу.

– Если после переезда семьи Джод, мне придется еще и семейство Тайлера отправить в путешествие, то я этого просто не переживу.

– Честно говоря, если тебя интересует мое мнение, лично я считаю, что переезд семейства Тайлер – это просто скука несусветная и редкостная чушь, а все эти их калифорнийские злоключения и того хуже, и со временем, ты наверняка сам вычеркнул бы их – здесь просматривается вопиющее противоречие между твоим описанием их потухших взоров и твоими же описаниями великолепных пейзажей. В основе

этого произведения лежит история человека, влюбленного в свою собственную дочь, так что чем дольше действие будет развиваться в глуши, близ горного ручья, где это выглядит весьма правдоподобно, тем лучше. Ты только подумай, от чего ты хочешь отказаться в угоду проклятой калифорнийской жары. У меня просто волосы встали дыбом, когда ты рассказал мне о той заброшенной шахте, и ведь она тоже является своего рода символом нравственного падения этого парня. А что может дать тебе Калифорния? Калифорния – это сплошное самодовольство и благополучие. Возможно, это и неплохо, но только не для этого произведения. Так что приступай к работе, и скоро сможешь выпустить хорошую книгу.

Итак, я снова взялся за перо, и дело стало продвигаться. Сначала довольно медленно, но потом все быстрее. Мне пришлось прерваться ненадолго, чтобы внести изменения в «Былое бесчестье», но вскоре я возобновил работу, и вот наконец, после многочисленных правок и доработок, рукопись все же была переписана начисто. Должен признаться, что перечитав ее еще раз, после того, как была сделана окончательная правка, эта книга принесла мне большее удовлетворение, чем я обычно испытываю от своей работы, и тем не менее мне хотелось бы разъяснить свою позицию; ибо большинство читателей ассоциируют меня с Западом, забывая, или, возможно, попросту не зная, что до приезда в Калифорнию я начинал свою журналистскую карьеру на Востоке. К тому же множество измышлений обо мне, появившихся в печат-

ти в последнее время, привели меня к мысли о необходимости отказаться от того позитивизма, что вошел у меня в привычку еще со времени работы в газете и стать менее скрытным. В редакции мы отдаем предпочтение позитивным статьям перед негативными; ненавидим публиковать опровержения, а когда такая необходимость все же возникает, обычно стараемся сделать это как можно более кратко, отделавшись по возможности всего несколькими строчками. Так что когда в печати обо мне начали появляться ложные, хотя и не всегда лишённые смысла предположения, я предпочел оставить их без внимания, так как имевшийся у меня опыт участия в разного рода дискуссиях придал моей писательской шкуре необходимую прочность и научил не обращать внимания на разные мелкие выпады в мой адрес и не расстраиваться понапрасну из-за них. Но когда эти измышления появляются с завидной регулярностью, а я по-прежнему никак не реагирую на них и ничего не опровергаю, то в том, что в конце концов они будут приняты за неоспоримый факт, из которого затем могут быть сделаны далеко идущие выводы, мне придется винить лишь самого себя. Так что, возможно, сейчас самое время обсудить некоторые из них и, разобравшись, что к чему, сделать выбор в пользу истины.

Я не принадлежу ни к одной из литературных школ, ни «крутого детектива», ни к какой-либо другой, и по моему глубокому убеждению все эти так называемый «школы» существуют по большей части лишь в воображении критиков

и не имеют практически никакого отношения к реальности. Молодые писатели часто подражают стилю какого-нибудь известного и любимого ими писателя, как, например, поступал и я, отправляя своему брату письма в духе «Ты же меня знаешь, Эл», с той лишь разницей, что главными действующими лицами этих опусов были не бейсболисты, а армейские сержанты образца 1918 года. Мы замечательно копировали Ларднера, и отголоски тех литературных упражнений можно найти в моей книге «Наше правительство», первый набросок которого был написан в 1924 году для «Американ меркьюри». И все же настоящий писатель не может написать полноценную книгу, постоянно оглядываясь на кого-то, точно так же, как женщина не может родить ребенка, просто поглядев на другую женщину с малышом на руках. Это сугубо интимный процесс, и плод вынашивается внутриутробно, где он надежно изолирован от всякого рода «внешних» влияний. Литературные школы не помогают романисту, но зато они оказывают большую помощь критикам; пользуясь системой упрощений, являющейся составной частью гипотетической школы, критик получает возможность навешивать ярлыки по своему усмотрению, и хотя за всю свою жизнь я не прочитал и двух десятков страниц Дэшила Хэмметта, мистер Клифтон Фейдиман может свободно рассуждать о моем стиле «под Хэмметта» и радоваться собственной пронизательности. В таком случае я намерен сделать заявление от лица всех писателей, и вот что мне хочется сказать этим го-

ре-судьям по поводу их иллюзии «критической оценки» и убежденности в исключительной правдивости их дурацких суждений: Вы слишком наивны. И не имеете никакого понятия о нашей работе. Мы не говорим себе, что если какой-то удачливый парень сделал это так, то и мы все тоже будем повторять вслед за ним, и урвем себе кусочек славы. Каждому из нас приходится жить своим умом, каждый за себя, а иначе ничего не добиться.

Я ничем не обязан мистеру Эрнесту Хемингуэю, кроме, пожалуй, удовольствия, полученного мною от прочтения его книг, иначе в противном случае я признал бы свой долг, как мне уже приходилось признавать прочие долги, главным образом по части теории, являвшиеся для меня в то время важными и насущными, и оставшимися таковыми до сих пор. Я так и не понял, что именно я должен был перенять у него, хотя одно знаю точно: к содержанию это не имеет никакого отношения, ибо трудно представить себе двух более непохожих в этом смысле людей. Он пишет о бесконечных испытаниях, ниспосылаемых человеку Богом, эта тема его трудами преобразуется в величественные, классические храмы, но использовать ее я при всем желании не смог бы. Я, насколько мне дано судить о собственной душевной организации, пишу о желании, которое в конце концов сбывается, и данная концепция представляется мне необычайно волнующей. Конечно, желание тоже должно быть не простым, а каким-нибудь из ряда вон выходящим; ибо какой интерес писать о

том, что кому-то просто хочется пить. Мне кажется, что мои произведения имеют свойство открывать некий запретный сундучок, и именно это, а вовсе не насилие и секс, придает им особую динамичность, на которую так часто обращают внимание критики. Они апеллируют прежде всего к сознанию, и читатель оказывается заинтригован, в какой-то момент понимая, что персонажи не могут осуществить именно это конкретное желание и остаться в живых. Читателем движет любопытство, ему нетерпится узнать, что из всего этого выйдет, Так что если я кому-то и уподобляюсь, так это Пандоре, первой женщине, по мнению греков, эта самонадеянная мысль доставляет мне удовольствие и зачастую помогает думать.

И уж тем более я не вижу никакого сходства в манере, кроме, может быть, того обстоятельства, что каждый из нас обладает прекрасным слухом, и обоих нас коробит всякого рода напыщенности, помпезности или же занудной литературности. В наших книгах люди говорят так, как они разговаривают в обычной жизни, и так как некоторые из них вращаются отнюдь не в высших кругах общества, то неудивительно, что и говорят они примерно одинаково. Но опять же и здесь тоже существует разница в подходе. Он использует неполные приличные слова (ну да, те, что имеют отношение к функциям человеческого тела); я же не делаю этого никогда. Мы отвергаем многое из того, что подсказывает нам наш слух, особенно в части прогноза, которое лично я нико-

гда не выделяю особо, за исключением тех ситуаций, когда персонаж иностранец, и для пущей выразительности образа мне приходится использовать фразы на его языке или их упрощенную форму. Мы весьма требовательно относимся к тому, что представляем на суд читателей, и руководствуемся принципом Марка Твена, утверждавшего, что писать нужно просто и доходчиво, ведя повествование от первого лица вне зависимости от того, излагает ли персонаж свои мысли устно или на бумаге, не обходя вниманием мелкие детали, которые также должны соответствовать. Мы оба свели до минимума всякого рода «он сказал» и «с усмешкой ответила она», хотя я пошел в этом несколько дальше, чем он, сократив и это минимальное число и, как правило, позволяя себе «он сказал» лишь в начале диалога, который затем уже ничем не перебивается. Ибо когда я начал работать над книгой «Почтальон всегда звонит дважды», бесконечное «он сказал» и «она сказала», казалось, было пределом Чэмберса в этом направлении и делало чтение утомительно монотонным. И тогда я подумал: А зачем, собственно, вся эта «говорильня»? Да и кому захочется продирается сквозь такой частокोल кавычек? Итак, если бы мне представилась возможность выступить с обращением к своим коллегам-литераторам, то я сказал бы следующее: Настало время выкинуть на помойку и забыть раз и навсегда обо всем этом дурацком, чудовищном вздоре, на котором зиждется талант любого редакционного секретаря. Если Джейк должен, «зловеще сверкая глазами», угрожать

Гарольду, то, уверяю вас, читателю будет куда интереснее, если этот зловещий блеск (разумеется, в разумных пределах) найдет свое отражение в речи персонажа.

Конечно, я допускаю, что даже подобное сходство между мной и мистером Хемигуэем свидетельствует о некоторой творческой истощенности каждого из нас и может быть расценено теми, кто привык мыслить категориями школ, как доказательство того, что я, в некотором роде, пошел по его стопам. Возможно, сторонники этой теории и будут разочарованы, но, хотя мой первый роман вышел лишь в 1933 году, а он к тому времени уже был романистом с десятилетним стажем, я все-таки старше его на шесть лет и двадцать один день, и к тому моменту, как он вообще возник на литературном горизонте, на моем счету уже было огромное количество газетных и журнальных публикаций, включая диалоговые зарисовки, рассказы и одна поставленная пьеса. Мой рассказ «Пастораль», который вы, возможно, уже встретили на страницах этого издания, был написан в 1927 году, а его произведение я впервые прочел, когда в 1928 году вышла книга «Мужчины без женщин». Но все-таки тот его стиль во многом схож с тем, как я пишу сейчас. Заканчивая излагать свои взгляды по данному вопросу, хочу лишь добавить, что хотя для простоты изложения я и позволил употребить себе дружеское «мы», однако у меня нет намерений опускаться до фамильярности и уж тем более претендовать на некое равенство. Мне прекрасно известно, что это литературный Мон-

блан, в то время, как мое скромное произведение в лучшем случае тянет лишь на роль предгорья. Пусть оно не поражает воображение своим размахом, но оно получилось таким, каким я его и замышлял, и мне доставляет удовольствие тот факт, что оно обладает целым рядом преимуществ, присущих обычно малым литературным формам: Оно активно переводится на другие языки, так что теперь его знают во всем мире; сюжет легко запоминается, он доступен для пересказа и таким образом из года в год остается на слуху; я не испытываю недостатка в заслуженной известности, и подобная ситуация меня вполне устраивает.

Вопреки сложившейся в последнее время тенденции, я не слишком близок к киноиндустрии, и мои попытки работать на этом поприще не имели особого успеха. Да, действительно, экранизации некоторых из моих произведений имели ошеломляющий успех, и обычно мне не составляет труда получить эту хорошо оплачиваемую работу. Я многое почерпнул из фильмов, по большей части это были различные технические приемы и трюки. И все же за четыре года, а то и больше, что я провел на съемочных площадках, я получил лишь скромные отчисления за три сценария. Киношники любят, когда я работаю с ними, считая меня полезным для разрешения различных проблем со сценариями, и обычно считают, что я честно отрабатываю свои деньги. Но вот мои сценарии они почему-то не ставят. Мои романы – да, но только после того, как их переработают другие писатели.

А это уже совсем не то, что было изначально предоставлено мною в их распоряжение. Ни я, ни они не знаем, почему так происходит, ибо, как я уже сказал, среди них у меня есть немало друзей, так что мы свободно и без обид обсуждаем эту загадку. Возможно, дело в том, что фильмы просто не занимают меня ни с интеллектуальной, ни с эстетической точек зрения. Во всяком случае, мне доставляет гораздо больше удовольствия видеть свои творения на бумаге, чем на экране. Я знаком с техническими приемами, применяемыми для съемок, и даже разбираюсь в них, но прочувствовать этого мне не дано. Равно как я никогда, за исключением лишь одного случая, не руководствовался ими при написании романа. Тем единственным исключением был «Милый обман любви», который, как мне всегда казалось, является отличным сюжетом для фильма, и я довольно неплохо справился со своей задачей. Весь тираж так и не был распродан, и кое-где его все еще можно увидеть в продаже, так что примите это к сведению, если вам нужен хороший, но чуть уцененный роман. Все мои романы имели проблемы с цензурой, и я предвидел это, когда еще только их писал, однако намеренно не стал ничего менять или переделывать в угоду студиям. Так, в «Былом бесчестье», а существовало по крайней мере четыре варианта сценария, девушка не была проституткой; ее было предложено сделать племянницей содержательницы борделя, и все четыре варианта не выдерживали никакой критики. И затем я был вынужден признаться

самому себе в том, что весь смысл и состоит в том, чтобы она сама была представительницей древней профессии. Я понимал, что этот красный фонарь над дверью может запросто стоить мне доходов от продажи картины, и так оно и вышло; тем не менее, я все же оставил его, благодаря чему судьба книги сложилась совершенно иначе.

Теперь к вопросу о том, что, как утверждают некоторые восточные критики, я, говоря словами одного из них, «был заживо сожран киноиндустрией»; однако больше всего меня покорило заявление, будто бы все свои изыскания я провожу в кинозалах, и что якобы данный роман является лишь предварительным наброском для будущего фильма. Меня обвинили в том, что в речи персонажей встречаются анахронизмы, хотя ни одного конкретного примера так и не было приведено, а также допущен целый ряд фактических ошибок, как следствие моей некомпетентности. Что ж, как и другие писатели, я тоже провожу определенную исследовательскую работу: выезжаю на место, подолгу просиживаю в библиотеках, перелистываю подшивки старых газет, собирая по крупицам информацию, необходимую для моего произведения. В случае с «Былым бесчестьем», мне пришлось поработать в библиотеках Хантингтона, Лос-Анджелеса, Сакраменто, Рино и Вирджинии-Сити; в «Официальной хронике войны с мятежниками», опубликованной Военным ведомством, у меня даже есть свои излюбленные места, равно как пользовался я и разнообразными справочниками, историческими

документами, газетами и подлинными дневниками, сохранившимися с 60-х годов прошлого столетия. Для точности воспроизведения речи я прочитал сотни страниц расшифровок стенограмм свидетельств очевидцев, выступавших перед комитетами тогдашнего Конгресса, и в дополнение к этому перечитал еще на всякий случай записи президента Гранта, но не мемуары, подлинность которых в некоторых случаях весьма сомнительна, а его письма, и особенно длинный доклад в части I тома XXXIV «Официальных хроник», что вне всякого сомнения был написан им лично примерно в то же время, когда происходят события, описываемые в моей книге. Это была своего рода проверка. Мне хотелось еще раз убедиться, что этот сжатый, сдержанный слог, который я задумал использовать для Роджера Дювалла, имел письменное подтверждение в документах того времени. Грант, конечно, кажется таким же современным, как и Эйзенхауэр; действительно, на основании прочитанного я пришел к выводу, что бытующее мнение о том, что для середины прошлого столетия были характерны какие-то особые и витиеватые обороты речи, на что, похоже, и указывали некоторые из моих критиков, является не более, чем заблуждением. Те люди говорили так же, как говорим мы сейчас. Просто некоторые слова употреблялись ими в несколько иных значениях. Так, например, они говорили «лощенный» там, где мы сказали бы «полированный»; они говорили «исцелиться», а мы сказали бы «выздороветь»; они «занимали» врага в тех случаях, где

мы постарались бы «отвлечь его внимание». Однако, в целом они говорили вполне современно, и я подумал, что читателю наших дней будет небезынтересно узнать подробнее о том мире, о существовании которого он, возможно, и не подозревал. И то, что моя компетентность была поставлена под сомнение, а также выдвинутое предположение о том, что весь фактический материал почерпнут мною исключительно из кинофильмов, мягко говоря, неприятно меня поразило. Западные же литературные обозреватели, некоторые из которых являются специалистами по Неваде вообще, и «серебряной лихорадке» в частности, с уважением и пониманием отнеслись к моим трудам и довольно высоко оценили их результат; они сумели точно понять, что именно я пытался сделать, и некоторые из них обратили особое внимание на то обстоятельство, что наконец-то появилось произведение, где горняки занимаются своим непосредственным делом, то есть работают в шахтах, а не являются просто безликой массой для сцен в салуне. И они не только трудятся в шахтах, но и занимаются решением многочисленных проблем, создают свои союзы, а еще едят, пьют и спят, как это делали настоящие шахтеры, жившие тогда в той местности. Должен признаться, я пребывал в некотором замешательстве, но я просто не могу не поправить их, и именно поэтому прошу вас отнестись снисходительно к подобной лаконичности.

Итак, что касается Джесса Тайлера, Биг-Сэнди и шахты: Река впадает в Огайо недалеко от Хантингтона, штат Запад-

ная Вирджиния, и в нескольких милях от устья разделяется на два притока: Левайсу, что протекает по востоку Кентукки, и Таг, который вместе с Биг-Сэнди образует границу между Кентукки и Западной Вирджинией. Городам я дал вымышленные названия, но они существуют на самом деле. Это самые обычные, ничем не приметные города, каких много на обеим сторонам от реки. Да, я действительно добывал уголь в шахте, гнал самогон, а также видел девушку в розовом платье и даже видел, как она его снимает. Мне пятьдесят четыре года, вес двести двадцать фунтов, у меня внешность главного инспектора транспортного концерна, занимающегося перевозкой грузов на дальние расстояния. Я убежденный демократ. И люблю выпить.

Джеймс М. Кейн

Лос-Анджелес, Калифорния

6 августа 1946

Глава 1

Когда я вернулся домой с поля, она сидела на ступеньке крыльца и, закинув ногу на ногу, старательно вытряхивала из туфли набившийся туда песок. Рядом на земле стоял чемодан. Увидев меня, она рассмеялась, и я почувствовал, что краснею. Мне было неловко оттого, что она заметила, как я откровенно таращусь на нее, и потому, прибавив шагу, я поспешно направился в хлев. Привычно занявшись дойкой, я, тем не менее, то и дело поглядывал в ее сторону и видел, как она встала и прошлась по участку, разглядывая мои деревья, мое кукурузное поле и мою хижину, а затем подошла к ручью и, немного полюбовавшись пейзажем, бросила в воду камешек. На вид ей было лет девятнадцать-двадцать, невысокая, светловолосая, с голубыми глазами и красивой фигурой. Одетая она была лучше, чем могло позволить себе большинство местных девушек, хоть наряд ее и был слегка запылен, как если бы ей пришлось подниматься сюда пешком от самого шоссе, по которому ходил автобус. Но если она заблудилась и зашла, чтобы спросить дорогу, то почему до сих пор так и не сказала, что ей здесь надо? А если дело совсем не в этом, то почему она принесла с собой чемодан? Когда я управился с дойкой, на улице уже почти совсем стемнело, и тогда, взяв подойники с молоком, я вышел из хлева и направился к ней.

– Как поживаете, мисс?

– Ой, привет.

– Что вам угодно?

– Ну как я могу вам ответить, если еще даже не знаю, что вы мне можете предложить?

Она рассмеялась, и я почувствовал, что снова начинаю краснеть, ибо по тому, каким тоном и с каким видом это было сказано, было ясно, что за этими словами скрывается некая двусмысленность.

– Послушайте, мисс, наверное, произошла какая-то ошибка. Мне кажется, вы просто ошиблись адресом. Вы меня с кем-то путаете.

– Нет, мне нужны именно вы.

– Вы видите меня впервые в жизни, так откуда же такая уверенность?

– А может быть, я видела вашу фотографию.

– Тогда, может быть, вы знаете, как меня зовут?

– Конечно, знаю. Вас зовут Джесс Тайлер.

– ... Послушайте, я вас уже спросил, что вам здесь надо?

– А я вам уже ответила, откуда мне знать? ... Вот если бы вы пригласили меня остаться у вас, дали бы мне время оглядеться, возможно, тогда я, пожалуй, и смогла бы выбрать что-нибудь для себя.

– Знаете, я не люблю дурацкие розыгрыши.

– А с чего вы взяли, что я вас разыгрываю?

Она подошла к колонке, взяла стоявшую там кружку, и

вернулась обратно, к тому месту, где я поставил молоко.

– Я вижу, по крайней мере, одну вещь из того, что мне хотелось получить прямо сейчас.

– Это молоко только что из-под коровы, оно еще не охлаждено.

– А мне и нравится такое – теплое, с пеной.

Она зачерпнула кружку молока из подойника, отпила небольшой глоток, а потом открыла рот и опрокинула в него содержимое кружки, залпом глотая молоко. Однако, тоненькая струйка его все же вытекла и побежала по подбородку.

– Если бы кое-кто вместо того, чтобы стоять, как истукан, высунул язык, то он смог бы запросто остановить этот потоп у меня на подбородке.

Я неловко вытер молочные капли тыльной стороной своей ладони, и в ее глазах появился насмешливый взгляд. Наверное, я производил впечатление неуклюжего недотепы.

– И все-таки, может быть, вы потрудитесь объяснить, какое у вас ко мне дело?

– А сами вы не догадываетесь? Кстати, сейчас уже довольно поздно, время ужинать, и я с удовольствием бы съела чего-нибудь.

– Голодным от меня еще никто не уходил.

– Об этом я уже весьма наслышана.

– От кого?

– А вы разве не знаете?

– Нет, понятия не имею.

– Ну тогда идемте ужинать.

Моя хижина сложена из бревен, но она находится в гораздо лучшем состоянии, чем все остальные, потому что она всегда принадлежала моей семье, а мы люди приличные, а не какие-то там бродяги и голодранцы, как большинство местных. Мебель, можно сказать, старинная; если верить датам, вырезанным на стульях, то им уже более сотни лет, но вот штукатурка, побелка и подводка фундамента под стены – это уже моя работа. Кое-какие вещи перекочевали ко мне в ходе ликвидации шахтерского поселка, когда люди уезжали отсюда, бросая на старом месте ставший ненужным скарб. Особенно в этом смысле меня порадовал управляющий, отдавший мне сразу четыре лоскутных коврика. В то время, пока я занимался приготовлением ужина, она расхаживала по комнате, ко всему приглядываясь и с любопытством рассматривая каждую вещь: картины, скамьи у камина, огороженный железной решеткой угол для дров, стулья, вязанные салфеточки; затем опустилась на колени и провела рукой по половице, потому что пол в моей хижине сделан из сосновых досок, к тому же каждую неделю я тщательно мою его и тру мелким речным песком, благодаря чему он остается белым, как снег и шелковисто-гладким на ощупь. Затем она вышла в дальнюю комнату, и проделала там то же самое. Зайдя в пристройку, где я стоял у плиты, незнакомка остановилась, вдыхая трепещущими ноздрями витавшие в воздухе аппетитные ароматы готовящейся еды. И глядя на ее вздернутый

носик, я подумал, что знаю, кто она такая, или, по крайней мере, догадываюсь.

– Кстати, вы из семейки Морган.

– С чего вы это взяли?

– Между вами есть внешнее сходство. Они все похожи между собой, как будто вылеплены с одной формы.

– По тому, как вы это сказали, гордиться тут особенно нечем.

– Я не выражал никакого отношения. Просто констатировал факт.

– И все же, наверное, никто из мужчин не пылает любовью к родственникам жены.

– Отчего же, если он любит свою жену...

– А разве вы не любили Белл?

– Любил. Но это было очень давно.

– И что произошло потом?

– А потом она убила мою любовь.

– Это как же?

– Я не хочу говорить об этом.

– Это как-то связано с другими мужчинами?

– И с ними тоже.

– И из-за этого вы ее прогнали?

– Ничего подобного. Она сама ушла от меня.

– Это произошло после того, как закрыли шахту?

– После того, как закрыли шахту, и из поселка начали уезжать. Семифутовый пласт лучшего в этом районе угля окон-

чательно сошел на нет, превратившись в жалкую шестидюймовую прослойку, не подлежащую разработке. Целый год двадцать или тридцать человек самых настойчивых и упорных из нас продолжали долбить скалу, прокладывая штольни в надежде на то, что пласт снова начнет увеличиваться, мы даже углубили шахту, так что если бы угольный пласт вклинивался бы в породу, то мы бы это обнаружили. Мы так ничего и не нашли, а люди на протяжении всего этого времени продолжали разъезжаться, и она сказала, что вид пустых хижин действует ей на нервы. Затем сюда подогнали грузовики, погрузили на них разобранные хижины и увезли их на шахту No 5, что находится близ Карбон-Сити. Таким же манером увезли церковь, магазин, надшахтные сооружения, рельсы узкоколейки и все остальное, так что вскоре действовать на нервы было уже решительно нечему. А потом уехала и она.

- Наверное, ей просто хотелось находиться среди людей.
- Наверное, ей много чего хотелось.
- Похоже, вы очень обижены на нее?
- Я же уже сказал, что не хочу говорить об этом.
- И что, с тех пор вы так больше и не встречались?
- Нет, больше мы не виделись.
- А с детьми?
- И с детьми тоже. Ведь она забрала их с собой.
- А вам хотелось бы их увидеть?
- Иногда я думаю о них. Особенно о малышке Кейди.

Джейн, она вся пошла в мою бабушку, такая же серьезная и рассудительная. Но вот Кейди – очаровательное, непоседливое существо, сама непосредственность.

– А вы знаете, где они живут?

– Да, знаю.

Мы поужинали мамалыгой с цыпленком, которого я зарезал накануне, а после того, как с едой было покончено, она помогла мне вымыть посуду, и это заняло совсем немного времени. Затем моя гостья изъявила желание поглядеть, где раньше была шахта и горняцкий поселок, так что мы совершили небольшую прогулку под луной, и я показал ей, где и что находилось. После этого мы снова вернулись ко мне, и я показал ей свои полянки, засаженные кукурузой, а также свинарник, конюшню и хлев, пояснив заодно, что так как мой участок находился вне владений компании, то, еще работая на шахте, я не только был избавлен от необходимости платить им аренду, но и имел к тому же небольшой приработок, продавая в поселке жвренную кукурузу и прочую снедь. Ведь у меня все это стоило гораздо дешевле, чем в местном магазинчике.

– И после того, как поселок разъехался, вы купили эти земли?

– Нет, ничего я не покупал.

– Но разве это не ваша кукуруза растет вон там?

– Вообще-то, моя.

– Так вы что, взяли у них поле в аренду?

– Да нет. Я просто взял и посеял на нем кукурузу.

– И хотите сказать, что им на это наплевать?

– Вообще-то, раз в год они наведываются сюда, приказывают мне убираться и грозят всяческими карами. Твердят все о каком-то законе, не помню точно, о каком. Наверное, все еще никак не могут смириться с тем, что у меня здесь есть все права.

– И как вы поступаете тогда?

– А никак. Просто разворачиваюсь и ухожу. И больше тут не появляюсь. В течение следующего часа.

– Так они что, позволяют вам пользоваться землей за просто так?

– Ну, вообще-то, я оказываю им кое-какие услуги. Так, по мелочи. Первое время, когда они только-только начинали перебираться отсюда и еще не успели вывезти оборудование с шахты, то я приглядывал за ним. Или же в суматохе переезда подчас забывали кое-где в штольнях динамит. Если бы потом гору смыло, то все это могло бы свалиться кому-нибудь на голову, и тогда компанию затаскали бы по судам. А я находил такие места и сам их разминировал, или же сообщал им о находке. Так что они относятся ко мне довольно неплохо.

– Да уж, и в самом деле.

Мы стояли под яблонями, и она коснулась моей руки своими изящными пальчиками.

– Мисс, лучше бы вам так не шутить.

– Почему же, мистер?

– Как по-вашему, сколько мне лет?

– Я знаю, сколько вам лет. Вам сорок два года.

– Что ж, возможно, в вашем представлении сорокадвух-летний мужчина – это уже глубокий старик, но лично я себя таковым не считаю. Так что, если вы не будете вести себя более осмотрительно, то последствия могут оказаться самыми плачевными.

– Если я сама не захочу, ничего такого не случится.

– Если ваша фамилия «Морган», то вы захотите.

– Даже с вами?

– А что? С родственником даже еще лучше. Все-таки не чужой человек...

– А если ваша фамилия «Тайлер», то вы обязательно за-таитесь в лощине, дождетесь пока кое-кто пройдет мимо вас, а затем выстрелите ему в спину.

– Я никогда ни в кого не стрелял.

– Но ведь мы просто разговариваем про фамилии, не так ли? Некоторым людям имя дано для одного, другим – для другого.

– Я имел в виду лишь то, что склонность к некоторым поступкам бывает заложена у человека в крови.

– Вот и я говорю, что дело только в крови, в ней одной.

– И если это так, то вам лучше постараться перебороть это в себе?

– Чего ради?

– Если вы сама не можете этого понять, то уже никто вам объяснить не сможет.

– А может быть я уже пробовала бороться. И ничего этим не добилась. Может быть, я уже устала от борьбы. Может быть, мне просто хочется вырваться. Может быть, я хочу просто быть плохой.

– Ну, это уже не разговор...

– Да, не разговор. А единственный выход.

* * *

По возвращении в хижину, я сказал, что ей лучше уехать. Велел собрать вещи и пообещал отвезти ее туда, куда скажет, на своем стареньком грузовичке, на котором обычно перевозжу грузы. Она вышла в дальнюю комнату, где стоял ее чемодан, и какое-то время не появлялась оттуда. Когда же моя гостью наконец вышла обратно в гостиную, то оказалось, что она успела переодеться, сняв платье и нарядившись в ночную рубашку, халат и тапочки. Я хотел было возразить, но так и не смог проронить ни звука. Она опустилась на скамей-

ку рядом со мной и положила голову мне на плечо.

– Не прогоняй меня.

– Ты должна уехать.

– Я не переживу этого.

И внезапно она расплакалась, обняла меня руками за шею и принялась рассказывать о том, что ей пришлось пережить, и что я должен, просто обязан ей помочь. Затем, немного успокоившись, спросила:

– Неужели ты так и не узнал меня?

– Нет, я же уже три раза сказал тебе, что я тебя не знаю.

– Я – Кейди.

– ... Кто?

– Твоя малышка Кейди. Та, которую ты так любишь.

Если бы я только мог написать, как я заключил ее в свои объятия и сказал, что она теперь обязательно должна остаться со мной, потому что она моя дочь, и что я готов на все ради того, чтобы помочь ей и сделать ее счастливой, то я бы так и сделал, ибо последующие события могли бы поставить под сомнение чистоту моих первоначальных намерений, как если бы я совершенно не отдавал себе отчета в своих действиях. Но только все это было не так. Я обнял ее, сказал, чтобы она оставалась, уступил ей дальнюю комнату, а сам забрал свои одеяла и ушел спать а сарай, где у меня стояла еще одна койка. Но все это время сердце бешенно колотилось у меня груди, и все это время я понимал, что она знает, какие чувства я испытываю к ней, и ей нет до этого ровным

счетом никакого дела.

Глава 2

- И все-таки, что с тобой случилось?
- В каком смысле?
- Это все за-за мужчины, да?
- Если его можно назвать мужчиной.
- Но что он тебе сделал?
- Он бросил меня.
- А еще что?
- Больше ничего.

Это было погожее воскресное утро, она сидела на крыльце, греясь на солнышке, и на ней было все то же розовое льняное платице, которое она надела специально для того, чтобы помочь мне покормить скотину. Я пробормотал что-то насчет того, что мне очень жаль, и поспешил перевести разговор на другую тему, заведя речь о том, чего нового в Блаунте, где Белл была хозяйкой пансиона, в котором жили рабочие с шахты Льюэлин Но 3. Но затем она вдруг передумала и пожелала продолжить прервавшуюся было беседу.

– Хотя нет, это не все. Далеко не все. Ведь мне нечего было тебе возразить, когда ты говорил о Морганах, не так ли? Это потому что я все знаю. Мне было двенадцать, когда я словно прозрела, и тогда же до меня дошла суть происходящего вокруг. Джейн осознала это еще раньше меня, и мы с ней много обсуждали это, уверяя друг друга в том, что уж

с нами-то ничего подобного вовек не случится. А еще мы решили, что виной всему простое человеческое невежество и необразованность. Ведь Белл, к примеру, даже читать не умела. И затем мы решили, что обязательно закончим среднюю школу, даже если ради этого нам и пришлось бы каждый день добираться туда и обратно на автобусе. А потом заболела Белл.

– Ясно, допилась-таки.

– Это была болезнь легких.

– Хочешь сказать, что у нее и в самом деле были больные легкие?

– Доктор сказал, что это не опасно, но впредь ей нужно быть осторожней и ни в коем случае не переутомляться – так что одна из нас должна была взять на себя работу по дому. Джейн сама вызвалась помогать ей.

– Очень мило с ее стороны.

– Да, она просто чудо.

– А меня она еще не забыла?

– Нет, не забыла. Мы с ней часто вспоминали тебя, и, вообще-то, в школу мы решили пойти отчасти и из-за тебя тоже, потому что знали, что ты умеешь читать, писать и еще ходишь в церковь. И вот я пошла в школу, а она занималась дома по моим учебникам. Учиться я закончила «на отлично», а в прошлом году мне предложили работу в Блаунте. Место учительницы в начальной школе. Это вызвало много разговоров. Еще бы, дочь углекопа учит детей в школе. Об

этом даже в газете написали.

– Что ж, я очень горжусь тобой.

– Я тогда тоже очень собой гордилась.

Она замолчала, задумчиво глядя на ручей, и я тоже ничего не сказал, ибо если она не желала рассказывать мне об этом, неволить ее я не хотел. Но затем она все же продолжила прерванный рассказ.

– А потом в моей жизни появился он.

– Кто «он»?

– Уош Блаунт.

– Он имеет какое-то отношение к этой угольной династии?

– Его отец – хозяин Льюэлина. И именно потому что старик сам когда-то был углекопом, он считает, что дочь шахтера не пара его мальчику, и хочет, чтобы Уош непременно женился на девушке из богатой семьи, последовав премеру его старшей дочери, что теперь живет в Филадельфии. Старик постоянно твердил Уошу об этом. И вот на Пасху он бросил меня.

Я сказал что-то в том роде, что все пройдет, что она еще найдет своей счастье и еще что-то в том же духе, но вдруг ее лицо исказила страдальческая гримаса, из глаз хлынули слезы, и сквозь душившие ее рыдания она поведала мне окончание своего рассказа.

– Но это еще не все. В мае меня заставили уволиться из школы. Потому что уже всем вокруг было заметно то, о чем я

даже не догадывалась, и чему ни за что не хотела верить даже когда мне об этом сказали. Потому что я никогда не была шлюхой из семейки Морган, я просто любила его трепетной, чистой любовью. А оказалось, что между первым и вторым нет никакой разницы. Месяц назад, в июле, меня отправили в больницу, и там у меня родился ребенок – мальчик.

– Разве это не сделало тебя счастливой?

– Я его ненавижу.

Я задал еще несколько вопросов, и она поведала мне, как старый Блаунт сам оплатил больничные счета, а также ежемесячно выплачивал Белл небольшую сумму на содержание ребенка. И затем она не выдержала:

– К черту, будь все проклято! Все, что ты мне говорил о том, что нужно быть хорошей и совершать хорошие поступки – все это ложь! Я вела себя хорошо, и погляди, что теперь со мною стало.

– Нет, ты согрешила.

– Я не грешила. Я любила его.

– А если бы он тебя любил, то женился бы на тебе.

– Да кто ты такой, чтобы читать мне наставления? Вот ты жил по совести, как праведник, а сам от жизни ничего хорошего не видел. Неужели ты не знал, что Белл обманывает тебя? Неужто не догадывался, что она изменяет тебе с Моуком?

– Он все еще жив?

– Жив, а чего ему сделается? И банджо его тоже цело.

Думаю, с моей стороны не будет сильным преувеличением сказать, что Моук доставил мне больше неприятностей, чем все прочие люди вместе взятые, и даже теперь я не могу спокойно слышать о нем. Это был маленький, тщедушный человек из местечка Тюлип – вот именно, это был даже не городишко, а так, несколько хижин, выстроенных в ложине неподалеку от церкви. Жил он в деревянной хибарке, стены которой были обмазаны глиной, и никогда не утруждал себя работой. Но зато у него было банджо. И по субботам, когда день уже начинал клониться к вечеру, он играл на нем в поселковом магазинчике, а затем пускал шляпу по кругу; все остальное время он ошивался неподалеку от моей хижины и брэнчал на своем дурацком банджо. Белл говорила, что под такую музыку и лимонад пьется веселее; мне же отчаянно хотелось огреть его со всего маху этим самым банджо по пустой башке и затем послушать, что издаст более звонкий звук – его голова или же все-таки банджо. Я до умопомрачения ненавидел их обоих. И однажды понял, что происходит. А на следующий день она уехала и увезла детей. Наверное, по моему выражению лица Кейди догадалась, какого рода мысли одолевали меня в тот момент, потому что она сказала:

– Просто потрясающе, как они обошлись с нами: с тобою и со мной.

– Это все в прошлом.

– Я хочу быть плохой.

– Давай лучше сходим в церковь.

Однако во время проповеди она задумчиво глядела в окно, из которого открывался вид на горные склоны, и не думаю, чтобы она услышала хотя бы слово из всего, что было сказано священником. А после службы, когда мы обменивались рукопожатиями с мистером Риверзом и прочими обитателями Тюлипа, она пыталась быть милой и обходительной со всеми, но как ни старалась, так и смогла вспомнить никого из старых знакомых, даже после того, как я представил ей их по именам. И кое-кто из них явно это заметил. Я видел, как Эд Блу глядел на нее своими поросычьими глазками. На самого Эда Блу мне было наплевать, меня никогда не интересовало его мнение, и все же мне не хотелось, чтобы он стал распускать по округе сплетни. Некоторые из этих людей помнили ее еще маленькой девочкой и были не прочь установить добрососедские отношения, а всякого рода пересуды и досужие домыслы вряд ли могли тому поспособствовать.

* * *

Убирать яблоки, чистить кукурузу и резать кабанчиков мне всегда помогали двое парней, что жили выше по течению ручья, и тогда она готовила обед для нас троих и выполняла множество других полезных поручений, например, отправлялась на грузовичке в Карбон-Сити, чтобы доставить что-либо из срочно понадобившихся нам вещей, или же не

ложилась спать до самого рассвета, всю ночь помогая мне готовить «скрэпл» – кушанье из кукурузы со свиной и кореньями. Когда же наступали холода, работы становилось меньше, а Джек с Мелли возвращались домой, она порой целыми днями просиживала в хижине, тупо уставившись в пол и не произнося ни слова. И затем как-то вечером, после того, как я весь день только и занимался тем, что лущил кукурузу, она вдруг поинтересовалась, а что, собственно, я обычно со всем этим делаю.

– Ну, большая часть идет на корм скоту.

– Два мула, шесть свиней, две коровы и несколько кур сожрут такую прорву зерна? Бог ты мой, и прожорливые же твари. Вот уж никогда бы не подумала, чтобы животные так много ели.

– Ну а что-то продаю...

– За сколько?

– За сколько предложат. В этом году за доллар десять центов.

– За такие-то гроши?

– По товару и цена. Теперь за это можно хотя бы получить живые деньги. А то бывали времена и похуже, когда зерно никто и даром брать не хотел, а десять долларов и вовсе считались настоящим богатством.

– Бушель зерна стоит дороже.

– Но кто даст тебе больше?

– Ну, может быть, кафе.

– Кейди, к чему ты клонишь?

– Тебе нужно лишь растолочь, размять его а затем один раз процедить. За это можно получить по пяти долларов за галлон. Если же завестись терпением, то можно получить и больше. Просто выдержать все это хозяйство в бочках месяца два, и тогда тебе заплатят и все десять.

– Когда вышел сухой закон, люди перестали заниматься такими вещами.

– Но теперь, когда выпивку достать не так-то просто, снова потихоньку начинают. Так что приготовленная в горах выпивка разливается в городские бутылки, и на этом можно очень даже неплохо заработать.

– Откуда ты всего этого набралась?

– В Карбон-Сити. А что если я ездила туда не только за ящиками для твоих яблок, но еще и завела полезные знакомства? Вот они и просветили меня насчет того, как можно быстро и без особых хлопот заработать много денег.

– А они, случайно, не говорили тебе о том, что это противозаконно?

– Ну и что. Сейчас много чего против закона.

– И я этим не занимаюсь.

– Мне нужны деньги.

– Для чего?

– Чтобы купить одежду.

– А твои платья тебе уже что, разонравились?

– Конечно, в деревенской церкви они смотрятся вполне

сносно, но вот в Карбон-Сити в таком старье не появишься. Я же уже говорила тебе, что я и так уже слишком долго была неудачницей по жизни, но зато теперь я твердо намерена вырваться из этого порочного круга.

– Тогда почаще ходи в церковь и поменьше бывай в городе.

– Ну... так с ума от скуки сйодешь.

Я продолжал лущить зерно, но не молоть, ни мять его не стал. И вот как-то раз она ушла из дома с утра, сразу после завтрака, и возвратилась лишь в начале одиннадцатого вечера.

– Где ты была?

– Я себе работу нашла.

– И что же это за работа?

– Напитки буду подавать.

– Где?

– В кафе.

– Послушай, это не самая подходящая работа для порядочной девушки. Тем более для девушки с образованием, которая может преподавать в школе.

– Зато там платят больше, чем в школе. И вообще, там лучше.

– С чего ты это взяла?

– Потому что если мне вдруг захочется завести себе ребенка или еще что-нибудь, то меня не вышвырнут оттуда, как собаку, а потом позволят снова вернуться на то же место,

и будут хорошо относиться и к моему ребенку, и ко мне.

– Что это еще за новости насчет того, что «вдруг захочется завести ребенка»?

– Ну, если встретится хороший человек, то почему бы и нет?

– Прекрати кощунствовать!

Она стащила с головы шляпу, тряхнула головой, отчего ее волосы рассыпались по плечам, и отправилась спать. Подобная сцена повторялась изо дня в день на протяжении довольно долгого времени, наверное, месяцев двух-трех. Она пропадала где-то целыми днями, возвращалась затемно, в десять, одиннадцать часов, а порой и в полночь, мы постоянно ругались, я бесился и выходил из себя, особенно когда она начала приносить домой одежду, купленную, если верить ее рассказам, на чаевые. Но тогда это должны были бы быть очень щедрые чаевые. И вот однажды она не вернулась домой; я же в ту ночь так и не сомкнул глаз. Я спустился вниз на шоссе, чтобы встретить последний автобус, а когда оказалось, что она так и не приехала, то сам отправился в Карбон-Сити на своем грузовичке и разыскивал ее повсюду. Но ее нигде не было. Несолоно хлебавши я возвратился домой, повалялся без сна на койке, принялся делать что-то по хозяйству, и вдруг меня осенило. Все сомнения были отброшены прочь, я знал, что мне делать и как поступить.

Ближе к вечеру того же дня я оседлал мула и отправился по тропе, что вела вверх по склону горы, к хижине, что была

выстроена там бывшим управляющим, который в молодости был большим любителем сходить на охоту. Конечно, в ней уже давно никто не бывал, так что мебели там не было, а на полу и стенах лежал толстый слой пыли, но зато в пристройке я все же нашел то, что искал. Это был старый водонагреватель, представлявший собой водруженный на платформу большой бак объемом в сотню галлонов со спиралью внутри. Прежний хозяин установил здесь этот агрегат на тот случай, чтобы он сам и его друзья могли бы при желании в любое время принять ванну.

* * *

– Боже мой, как хорошо, что ты вернулась.

– Это еще вопрос, кто из нас более слабонервный.

– Я боялся, что ты уже никогда больше не придешь.

– Нам нужно было распаковать товар и открыть много ящиков. Мы заработались допоздна, и я опоздала на последний автобус. Я переночевала у одной девушки, которая работает вместе со мной.

Я не выпускал ее из своих объятий, и мы продолжали держаться за руки даже когда она села ужинать. Я же был так счастлив, что у меня кусок в горло не лез. А затем, когда мы с ней сидели у горящего камина, я сказал:

– Помнишь ты мне тут как-то подкинула одну идею?

– Насчет зерна-то?

- Если я соглашусь, то ты бросишь свою теперешнюю работу, чтобы помогать мне управляться здесь?
- С чего это ты вдруг передумал?
- Мне очень плохо без тебя.
- Так что, прибыль делим пополам?
- Как пожелаешь.
- Тогда по рукам.

Глава 3

Шахта, в которой согласно моей первоначальной задумке должен был разместиться наш заводик, произвела на меня столь удручающее впечатление, что я малодушно запаниковал и был готов бросить все, так и не успев ничего начать. Я-то наивно полагал, что все здесь сохранилось в прежнем виде, как если бы отсюда только что было убрано оборудование, и стало лишь больше крыс, пыли и пауков, но когда мы в конце концов добрались туда, то стало ясно, что кое-какие изменения все-таки произошли. Свод шахты, в том месте, где на него приходилась наибольшая нагрузка верхних пластов, неравномерно просел, и выступающая порода висела этакими гроздьями, напоминая вздувшиеся пузыри отставшей от поверхности краски, с той лишь разницей, что каждый такой «волдырь» был размером с автомобильное колесо и толщиной с бетонную плиту. К тому же каждый волдырь был испещрен сетью трещин и трещинок, благодаря чему многие куски породы уже осыпались с потолка, а другие пока что лишь ждали своего часа, чтобы обрушиться на голову любому, кто окажется под ними в этот момент. Пол же тоже пошел каменными волнами, и выпирающие из земли кочки практически преграждали путь в главный штрек, куда в соответствии с моей задумкой, при помощи вагонетки можно было бы доставлять сырье и вывозить готовый товар,

поднимая все необходимое наверх, а затем опускаая вниз, туда, где некогда проходила дорога, с помощью лебедки. Все, что осталось от главного штрека – это три фута выщербленных плит, по которым струился тоненький ручеек грунтовых вод, да погребенные под слоем обвалившейся породы ржавые рельсы, по которым когда-то бегали вагонетки. Все это жутковатое великолепие произвело на нее столь сильное впечатление, что она принялась умолять меня не входить туда, однако, я все же рискнул заползти внутрь, чтобы увидеть собственными глазами, что к чему. Однако, после первых ста футов пути мне пришлось остановиться и повернуть обратно, ибо дальнейшее продвижение стало невозможно из-за озера воды глубиной примерно в шесть футов. Оно было переполненно, и, видимо, именно отсюда и вытекал тот ручеек, что мы заметили у входа в штрек.

Когда я выбрался обратно, мы принялись обсуждать проблему, и, должен признаться, я уже был готов пойти на попятную. Она же упорно твердила, что на угольной шахте не сошелся свет клином, и что при желании наверняка можно будет подыскать другое подходящее место. Настроена она была весьма решительно, и было видно, что она вовсе не собирается отступать и отказываться от задуманного. И затем совершенно случайно я вспомнил об одной из тех штолен, что были когда-то прорыты нами в надежде обнаружить более толстый угольный пласт. Там все было иначе, не как в шахте, где штрек прокладывают сквозь угольный пласт,

где каменная порода образует лишь потолок и пол, а стены остаются угольными, и где нет необходимости ставить подпорки из бревен, за исключением, конечно, непосредственно тех выработок, откуда извлекается уголь, во избежание обрушения каменных сводов. Эта же штольня была проложена сквозь пласты сланцев и песчаника, так что по мере углубления в породу нам приходилось подпирать своды бревнами. Вход туда находился примерно в четверти мили отсюда, на вершине скалы, у подножия которой протекал ручей. Не теряя времени, мы отправились туда. Разумеется, и там тоже было грязно, сыро и темно, но подпорки все еще держались, так что рельсы были целы. Я полез вовнутрь, освещая себе путь фонарем, и вскоре наткнулся на вереницу вагонеток, стоявших на путях примерно в двухстах футах от входа в штольню. Это были не те тяжелые, стальные вагонетки, что приводились в движение с помощью тепловоза, а маленькие, легкие, которые нам некогда приходилось толкать вручную. Отправившись дальше, я подметил, что все сохранилось в наилучшем виде, все откаточные штреки были свободны, даже те, что вели к выработанной части главной шахты, хотя, как и в главном штреке, в них было полно осыпавшейся породы. И затем в конце концов я добрался туда, что было целью моего путешествия – это была уходящая вниз наклонная шахта, вырубленная здесь для лучшей вентиляции, а также проходившая сразу через несколько пластов породы, что позволяло получить точное представление о том, стоит

ли там еще на что-то надеяться или нет. Как только стало известно, что угля нет и здесь, все работы были прекращены.

– Вот, это именно то, что нам нужно. На наше счастье эта шахта тоже сохранилась. Через нее проникает достаточно света, так что мы сможем спокойно работать, не боясь наткнуться на что-то впотьмах. Можно будет даже соорудить стеллажи для всех наших баков, резервуаров и бочек, так, чтобы из них можно было запросто сливать готовый продукт и обходиться без насоса. У нас даже вода под боком имеется. Видно, на дне того озера бьет родник, поднимающийся из глубины скалы по одной из стен шахты. Вода там прозрачная и вкусная, я попробовал, короче, как раз то, что надо. Так что мы вполне можем преградить ей ток где-то по пути наверх и направить туда, куда нам нужно. К тому же входа в шахту не видно с дороги, так что никто никогда не найдет дороги туда и не учует никакого запаха. Тем более, что дыма не будет вообще. Мы будем использовать древесный уголь, а он не дымит. Вся проблема в том, каким образом доставлять сюда сырье?

– Ты же, кажется, говорил что-то про подъемник?

– Ну да, только речь шла о насыпи старой узкоколейки, а не о ручье.

– А может быть... может, нанять лодку?

– Ага, и дать еще объявление в газету.

– Да, наверное, это было бы очень смешно.

– Возможно, нам и удалось бы придумать какое-нибудь

объяснение для того, зачем это нам вдруг понадобилось плавать по ручью на лодке. Но сей факт, наверняка, заинтересовал бы всю округу, от шоссе до самого Тюлипа, начались бы распросы, а это особенно некстати, когда затеваешь такое важное дело.

Мы шли вниз по склону, продираясь через заросли кизила, а затем перебрались по мостику через ручей, и отправились вверх по течению. Затем я обратил внимание на то, что на этом отрезке пути ручей был довольно узким, так что расстояние между скалой и дорогой не было таким уж большим. Со стороны дороги в течение ручья врезалась своего рода песчанная коса, так что человек, находящийся на вершине скалы, мог бы сбросить легкую, но прочную веревку, закрепленную на конце длинной и прочной балки с подъемными блоками, своему напарнику, оставшемуся на дороге, так что с ее помощью можно было бы поднять наверх нужный груз. Натяжения веревки было бы достаточно, чтобы стабилизировать поклажу и не дать ей разбиться об отвесный склон скалы. А по окончании этой операции, можно будет убрать балку подъемника, чтобы ее не было видно снизу, и припрятать на вершине до следующего раза. Примерно так я и обрисовал ей свой план, но она поначалу отнеслась к этой идее с недоверием и начала задавать вопросы.

– Боже ты мой, Джесс, придумай лучше, где нам достать лодку. Ты только представь себе: мы с тобой останавливаемся посреди дороги, напрочь перекрываем движение и, не об-

ращая ни на кого внимания, начинаем что-то там поднимать с помощью скрипучей лебедки наверх. Какая уж тут конспирация...

– Да при чем тут движение? Мы сделаем это ночью.

– Точно. Ночью все сидят по домам.

– Мы не станем никуда съезжать с дороги, чтобы, упаси Бог, не осталось колеи, которая могла бы нас выдать. Ты будешь управляться с грузовиком, а я буду работать с подъемником. В случае чего, если вдруг увидим или услышим что-нибудь подозрительное, я просто поднимаю веревки наверх, а ты спокойно уезжаешь. Вот и все.

– А что, мне нравится.

– Итак, все решено. Кроме одной проблемы.

– Какой еще проблемы?

– Тот бак из хижины. Его так не поднимешь. Скорее всего, нам придется каким-то образом навьючить его на мула, если мне вообще когда-либо удастся придумать, как это сделать. Мы дотащим его до шахты, а затем спустим вниз.

– Наверняка есть какой-то способ поднять его наверх.

– А как тащить его через штольню?

– Вот оно что... Теперь ясно.

– Туннель слишком узкий.

* * *

Итак, мы дружно взялись за работу, распределив между

собой обязанности: я делал то, с чем мог справиться только я, и что было не под силу ей, а она взяла на себя то, что было по силам ей, и с чем мне вовеки не справиться бы. Сам я не механик, однако умею довольно неплохо управляться с инструментами, так что проблем с тем, что нужно было изготовить своими руками и куда-то там подсоединить, не возникло, хотя на это и пришлось затратить уйму времени и труда. Как я и говорил, прежде всего нужно было каким-то образом перевезти бак из заброшенной охотничьей хижины на склоне горы, но мне удалось подъехать туда на легкой повозке, а по пути обратно пришлось кое-где использовать доски, веревки и подпорки под колеса, но в целом это оказалось гораздо легче, чем я предполагал, так что мне удалось всего за один день доставить свой груз ко входу в шахту. Следующий день ушел на то, чтобы затащить его внутрь, после чего можно было уже приступать к сооружению стеллажей для будущего агрегата. Для этого я использовал доски и бревна от старой погрузочной платформы узкоколейки, а для соединения между собой отдельных частей агрегата мне очень пригодилась водопроводный шланг со старой бензоколонки. Я трудился в поте лица, и в скором времени у меня уже был готов верхний ряд, где располагались прикрытые крышками, сообщающиеся между собой бачки, к которым я подвел воду из родника, и подсоединил к бакам для браги, расположенным ярусом ниже, а затем и к дистиллятору, находившемуся в самом низу, на земле. В качестве камеры нагрева я исполь-

зовал резервуар, а для системы охлаждения взял старый нагреватель, подсоединив змеевики так, чтобы они проходили через холодную воду. Мною было рассчитано все до мельчайших деталей, начиная от забора холодной воды вплоть до спуска горячей, так что оставалось лишь запустить процесс, и все должно было бы получаться практически автоматически.

Она же тем временем занималась покупками в Карбон-Сити. Купить нужно было много чего, но ассортимент необходимого был таков, что если бы я взялся за них сам, то все наверняка догадались бы, для чего мне все это нужно. Она же безо всяких проблем раздобыла бачки и для воды, и для браги, и бочонки для выдержки конечного продукта. Учитывая скромные размеры штольни, все это должно было быть миниатюрным, так как у меня не было больше никакого желания втаскивать вещи на собственном горбу наверх, ко входу в шахту, но больше всего проблем у нас возникло с бочками. Их нужно было обжечь изнутри, ибо, насколько я мог судить, прежние владельцы себя ничем подобным не утруждали. В то время, как я возился со своими трубами и шлангами, она доверху заполняла бочку, из которой была вынута крышка и ослаблены обручи, древесными стружками и щепками. А затем, когда пламя разгоралось, начинала перекатывать деревянную посудину при помощи кочерги, принесенной сюда из хижины специально для этих целей, пока, наконец, вся внутренняя поверхность бочки не раска-

лялась, как говорится, докрасна. После этого мы споласкивали ее водой, а на следующий день я набивал обратно обручи, возвращал на прежнее место крышку, и в нашем распоряжении появлялся еще один контейнер, полностью готовый к использованию в работе. Все эти покупки я оплатил из собственного кармана, вручив деньги ей, но в конечном итоге все это обошлось нам гораздо дешевле, чем я предполагал с самого начала, ибо многие вещи она покупала подержанными и торговалась, когда была такая возможность. Но в перечне ее приобретений оказались и такие предметы, о происхождении которых мне оставалось лишь догадываться. Например, гидрометр, при помощи которого надлежало проверять градус крепости спирта, был упакован в длинный деревянный футляр. И красовавшийся на его крышке штамп гласил: «Собственность средней школы г.Карбон-Сити». Я продолжал мысленно убеждать самого себя в необходимости спросить ее об этом, но мне так и не хватило смелости.

* * *

И вот по прошествии довольно долгого времени, в течение которого нам приходилось за полночь ложиться спать, перемалывая зерно, выжигая уголь и выполняя прочую подготовительную работу, обойтись без чего было решительно невозможно, настал тот знаменательный день, когда мы нагнали немного воды в дистилляторе и заложили первую пор-

цию зерна для браги. А три дня спустя провели первую перегонку. Я сильно нервничал, ибо то, чем мы занимались противоречило законам и всем моим моральным принципам. Но в то же время сам процесс захватывал. В маленьком самогонном аппарате можно использовать зубочистку, но для такого большого агрегата мы решили воспользоваться иглой для шпигования мяса, что представляла собой заостренную с одного конца деревянную шпильку шести-восьми дюймов в длину. Мы воткнули ее в конец трубы выходящего наружу змеевика: и по мере того, как огонь продолжал разгораться, помещение наполнилось тем чудным запахом, который я вдыхал впервые в жизни, но который мне определенно понравился, и игла начала увлажняться. Затем на ее острие начала собираться капелька, подобно тому, как выступает мед на срезе стебля жимолости, если сжать его покрепче в руке. Набухнув, капелька сорвалась и упала в кувшин, который мы предусмотрительно подставили под змеевик. Вскоре за ней последовала еще одна капелька. Постепенно капель стала более интенсивной, а потом и вовсе отдельные капли слились воедино, образуя тоненькую струйку – это была жидкость, похожая на воду, но она была куда чище и прозрачней всех вод на свете. Когда первый кувшин был полон, она отлила немного его содержимого в высокий стакан гидрометра, опустила в него эталон и сняла показания.

– Ну и сколько там?

– Сто семьдесят.

– Очень хорошо.

– Боже ты мой, если первач получается таким крепким, то можно перегонять все это хозяйство хоть бы и до тридцати градусов. Все равно в бочке все смешается и будет не слабее ста.

– Крепость смеси на выходе должна быть не меньше ста двадцати пяти.

– Брось, чем больше выгоним, тем больше денег получим.

– Так-то оно так, чем больше товара, тем больше навар.

Конечно, можно было бы выжать из имеющегося сырья решительно все и разлить в бочки при крепости в сто градусов. Но потом спирт начнет испаряться и градус крепости снизится еще больше, а кому нужен такой товар? К тому же, чем меньше крепость, тем медленнее продукт взаимодействует с древесным углем. Если залить сырье повышенной крепости, то уже через месяц мы получаем продукт нужного цвета, вкуса и выдержки, с помощью которого впоследствии можно подправить даже не самую удачную выпивку. А при стоградусной крепости мы можем прождать целый год и так и не добиться нужного результата. К тому же чем дольше мы будем выдерживать все это хозяйство, тем больше бочек придется покупать, и тем дольше придется ждать прибылей от продажи конечного товара.

– Да, деньги... мне нужны деньги.

– Тогда не отвлекайся, и не жадничай.

– Ну ладно. А теперь можно и музыку послушать.

Она включила принесенный с собой маленький транзисторный приемник. Я не возражал, ведь день нам предстоял долгий.

– А заодно и выпить.

– Что?

– Ну а для чего же мы это делаем?

– Ты имеешь в виду вот это самое...?

– Ну да.

Она проворно вскочила на ноги, направилась к каменной чаше родника и достала из студеной воды бутылку кока-колы и жестяную кружку. Затем, вернувшись обратно, плеснула в кружку из кувшина, добавила немного кока-колы и протянула посудину мне.

– Попробуй, это вкусно.

В наши дни вряд ли найдется хоть один человек, проживший почти всю сознательную жизнь среди гор и не знающий толк в добром виски, но так уж получилось, что тогда я попробовал этот напиток впервые в жизни. Поначалу его вкус ничем не отличался от кока-колы, но потом на душе у меня стало вдруг необычайно хорошо, и мне захотелось глотнуть еще. К тому времени кружка уже перекочевала к ней, и она успела отхлебнуть оттуда, прежде, чем я успел отобрать у нее посудину.

– Этого еще не хватало.

– А я хочу выпить.

– Нет, ты пить не будешь.

– Интересно знать, почему?

– Потому что, во-первых, нам нужно работать. Потому что если не следить за огнем, то вся эта штукавина перегреется, и ты и глазом моргнуть не успеешь, как мы взлетим на воздух. К тому же процесс в самом начале, а нам нужно еще дождаться темноты, чтобы переправить вниз отработанные отжимки и успеть скормить их свиньям, а не держать во дворе у всех на виду. В пьяном же виде мы не сумеем сделать ничего. А если все время пробовать, то можно вконец спиться. Все пьяницы начинают с малого. Уж я-то знаю, сам видел. И помимо всего прочего пьянство – страшный грех.

– Ты веришь всему, что слышишь в церкви?

– Я верю тому, что считаю правильным.

– Вот только проповедей мне читать не надо.

Я же к тому времени был уже без ума от нее, и мне ужасно хотелось поддаться этому искушению и поступить так, на что она меня усиленно провоцировала, но моя любовь придавала мне силы, и я знал, что никогда не допущу этого. Однако, принимая во внимание свое нынешнее состояние, я, честно говоря, совсем не был уверен в том, как поступлю в следующий момент.

– Тебе ясно, Кейди? Пить мы не будем.

– Да, я поняла.

Глава 4

И вот настал-таки тот вечер, когда мы отправились в Карбон-Сити, загрузив в машину первую сотню кварт выпивки, разлитой по бутылкам, каждая из которых была любовно обернута тряпками и мешковиной, но все равно доносившееся из кузова предательское дребезжание, казалось, заглушает даже рев мотора старенького грузовичка. Я чуть не умер от страха, так что к тому времени, как мы остановились недалеко от железной дороги, и она куда-то ушла, оставив меня в одиночестве, нервы мои были уже на пределе, и я испугано вздрагивал при малейшем шорохе. Меня одинаково раздражало и стрекотание сверчков, и бряцание колокола на станции. Ждать мне пришлось довольно долго, но в конце концов она все-таки вернулась обратно в сопровождении человека из кафе. Ее попутчик держал в руке зажженный фонарь, и я с трудом удержался от того, чтобы не обругать его за это последними словами. Но мы с ней условились заранее, что я буду молчать, а говорить будет она, так что мне оставалось лишь сидеть, вытирая пот, который лился с меня ручьями. Непринужденно беседуя, они подошли к машине, и он направил луч света на протянутую ему бутылку, проверяя цвет выпивки, а затем попробовал содержимое на вкус и возвратил бутылку.

– Что ж, неплохо, сестренка, но вот только с жженным

сахаром ты все-таки явно переборщила.

– Не хочешь – не бери, я сдам товар в другом месте.

– А сама ты что, не видишь, что ли?

– А на что мне глядеть? Я ведь сама это гнала. А что до цвета – то он передался от угля, потому что я обжигала бочку изнутри вот этими самыми руками. Таков уж порядок, и это знает любой уважающий себя мужик, если он, конечно, не придурок, который так давно не видел нормальной выпивки, что даже забыл, какой она должна быть. Но все в порядке, без обид. Уж лучше я отвезу это туда, где разбираются в таких вещах и знают, какой незабываемый вкус придает любому напитку добавленные в него сто десять градусов крепости.

– Какие еще «сто десять градусов»?

– А ты проверь тестером.

– Мой сломался.

– Ничего, тогда возьми мой.

С этими словами она протянула ему гидрометр и подождала, пока он снимет показания, добавив:

– Если боишься, что он «заряжен», то попробуй отхлебнуть.

Он отпил глоток, а она все это время стояла рядом, испепеляя его таким порочным взглядом, что мне сделалось не по себе от одного лишь осознания того, что эта блудница – моя дочь, а значит и часть меня. Затем он отхлебнул еще один глоток из горлышка, и было видно по всему, что выпивка подействовала.

- Ну и сколько ты просишь?
- Десять долларов за галлон.
- Даю четыре.
- Ну все, с меня хватит. Я везу товар на тот конец улицы.
- Нет, погоди. Давай еще поговорим.

Они сошлись на шести долларах, а затем я отвез их в переулок, куда выходила дверь черного хода его заведения. Он зашел в дом и вскоре вернулся с деньгами, после чего туда были перенесены бутылки из машины. Когда все было сделано, она как ни в чем не бывало снова запрыгнула ко мне в кабину.

- Полный вперед, Джесс. Это надо отметить.
- В каком смысле «отметить»?
- Просто пойти куда-нибудь, чтобы весело провести время.
- Ты это имела в виду, когда так говоряще тарасилась на этого мужика?
- Боже ты мой, я продавала ему выпивку.
- А что еще ты ему продавала?
- Ну и зануда же ты...

* * *

Проехав под мостом, мы остановились перед кафе «Белая Лошадь». Мне никогда не приходилось бывать в заведениях подобного рода, но одного единственного взгляда было

достаточно, чтобы понять, что ничего хорошего здесь нет и быть не может. В помещении царил полумрак, с одной стороны находилась длинная стойка бара, у противоположной стены стояли столики, а на свободном пространстве между ними топтались под медленную мелодию, раздающуюся из мигающего огнями музыкального автомата, танцующие парочки. Появление Кейди было встречено радостными криками и свистом толпы, и с опозданием догадавшись, что, очевидно, здесь она и работала до недавнего времени, я вовсе не был благодарен ей за то, что она представила меня обществу, назвав по всеуслышанию «своим предком». Здраваться с кем-либо за руку я тоже не стал. Мы расположились за свободным столиком, и я заказал официантке две кока-колы.

– Слышь, а мне еще и рому плесни.

– Две кока-колы, – строго повторил я свой заказ.

– Послушай, Джесс, я хочу выпить.

– Мы сейчас же едем домой.

– Если тебе здесь не нравится, то можешь ехать домой, а я останусь. Уверена, здесь многие не откажутся пустить меня к себе на ночлег.

Иными словами, она ясно давала мне понять, что ей в тягость мое общество, и она не прочь отделаться от меня. Это меня больно задело, и я замолчал. Но в душе у меня все кипело от негодования.

За соседним столиком сидела девушка и двое парней, которые, судя по их разговорам, работали сторожами на шахте, а когда один из них ушел вместе с девушкой, то оставшийся встал из-за своего столика, подошел к нам и пригласил Кейди на танец. Она охотно согласилась, после чего они уже вместе направились к музыкальному автомату и, немного посоветовавшись, опустили монетку в щель. Они танцевали, а когда мелодия уже почти закончилась, то, оказавшись рядом с автоматом, задержались на мгновение, чтобы подбросить в него еще денег. На этот раз это была целая пригоршня, по крайней, добрая дюжина монеток, одна за другой опущенные в щель. Мелодия тем временем закончилась, но прошло всего несколько секунд, прежде, чем зазвучала следующая медленная композиция, но даже в эти несколько мгновений тишины они не переставали танцевать, продолжая топтаться под уже не звучащую музыку и терпеливо дожидаясь следующего танца. Перед началом третьей мелодии, они подали знак бармену, и он приготовил для них выпивку. Танцующие же как бы между делом подхватили стаканы и, отпив по глотку, поставили их обратно на стойку бара. Примерно на десятой мелодии они уже как будто не замечали ничего и никого вокруг себя, нежно глядя друг на друга и, похоже, даже позабыв о своей выпивке. Потом они остановились, и

еще какое-то время стояли посреди зала, о чем-то перешептываясь. Затем она подошла ко мне и взяла свою сумочку со стола.

– Джесс, я отлучусь ненадолго.

– Куда ты собралась?

– Просто хочу немного прогуляться. Так сказать, подышать свежим воздухом.

– Мы едем домой.

– Конечно, поедем. Только чуть попозже.

– Нет, никаких «позже». Мы едем сейчас же.

Тут в наш разговор вмешался тот парень. Он подошел и встал между нами.

– Слушай, папаша, не дергайся. И вообще, почему бы тебе не... короче, не доводи до греха.

– Вам известно, кто я такой?

– Кейди сказала, что ты ее отец.

– Вот именно. И я везу ее домой.

– Она поедет только тогда, когда сама того захочет. Тем более, что только что она сказала мне, что хочет пойти прогуляться. И именно это мы сейчас и собираемся сделать. Так что сядь и не выступай. Вон, закажи себе чего-нибудь выпить, а когда мы вернемся, то ты сможешь спокойно отвезти ее домой. Но не раньше.

С этими словами он водрузил себе на голову широкополую фетровую шляпу, продолжая с наглым видом разглядывать меня. Это был высокий, худощавый парень, и я мог бы

запросто набить ему морду, но от этого шага меня удерживала мысль о пистолете. Сторожам, охраняющим шахту, положено быть при оружии, а значит и обращаться с ним он тоже умеет, и при случае не побоится пустить в ход. Я чувствовал, как кровь гулко стучит у меня в висках, но все же пересилил себя и опустился на свое место. Он тоже направился к своему столику и сел.

* * *

В то время, как мы с ним выясняли отношения, она ненадолго отлучалась, прощепетав ему что-то про «дамскую комнату». Я сидел, чувствуя, как ярость во мне разгорается все сильнее и сильнее, пока, наконец, не открылась неприметная дверь, находившаяся в дальнем конце помещения, из-за которой выпорхнула моя дочь, тут же направившаяся к его столику. Уж не помню, о чем я подумал в тот момент. Но только, когда она была уже совсем близко, я вскочил со своего места, и, ухватившись обеими руками за легкую перегородку, разделявшую наши столики и служившую опорой для скамеек, изо всех сил рванул ее на себя. Ненадежная конструкция рухнула, а вместе с ней оказался на полу у моих ног и мой поверженный, упавший навзничь, оппонент, который, похоже, так и не успел сообразить, в чем дело. Я набросился на него прежде, чем она догадалась закричать, и немедленно завладел выхваченным им из кармана пистолетом. Одно-

го удара рукояткой по голове было достаточно, чтобы он за-
тих, потеряв сознание, и тогда, направив ствол ему в висок,
я нажал на спусковой крючок. Но выстрела не последовало.
За всей этой суматохой я забыл снять оружие с предохрани-
теля, и прежде, чем мне удалось это сделать, меня схватили
за руки.

* * *

– Данный суд не ставит своей целью объявить преступни-
ком отца, защищавшего честь своей дочери. Однако, нельзя
также упускать из виду и тот факт, что данный инцидент мог
иметь и гораздо более серьезные последствия. Тайлер, вы от-
даете себе отчет в том, что если бы эти свидетели вовремя не
удержали вас, вы могли бы убить человека, и тогда вам было
бы предъявлено обвинение в преднамеренном убийстве, а у
меня не осталось бы другого выхода, как посадить вас за ре-
шетку, а дело ваше передать на рассмотрение суда присяж-
ных, и в перспективе вас ожидал бы обвинительный пригово-
р и смерть на виселице?

– Да, сэр.

– И вас устраивает такой исход?

– Вообще-то, нет.

– Сколько денег у вас имеется при себе?

– Четырнадцать долларов, сэр.

– Тогда, чтобы вы смогли бы в полной мере прочув-

ствовать серьезность своего проступка, приговариваю вас к штрафу в размере десяти долларов и уплате судебных издержек – или, может быть, вы предпочитаете провести следующие десять дней в тюрьме?

– Я предпочитаю заплатить, сэр.

– Теперь вы, юная леди. Сколько вам лет?

– Девятнадцать, сэр.

– Вы употребляли спиртное?

– Я... я не знаю, сэр.

– Как это вы не знаете?

– Ну, я пила кока-колу, но сами знаете, как это бывает. Иногда в нее добавляют кое-что, просто так, чтобы веселее было. Но я не знаю, было в ней что-то сегодня или нет.

– Ну-ка, нагнитесь и дыхните на меня... И у вас еще хватает наглости заявлять, что вы якобы не знаете, употребляли вы спиртное или нет, в то время, как от вас просто-таки им разит? Не так ли?

– Да, сэр.

– Вы понимаете, что уже одного этого достаточно, чтобы я мог задержать вас, как несовершеннолетнюю преступницу и определить вас в исправительную школу.

– Я не знала этого, сэр.

– Похоже, вы не знаете еще слишком много, и мой вам совет поскорее браться за ум и начинать новую жизнь. Возвращаю вас под присмотр вашего отца, и при первой же жалобе с его стороны, вы отправитесь в исправительную школу. Вам

все ясно, Тайлер? Если у вас снова возникнут проблемы наподобие сегодняшних, то вам нет необходимости хвататься за оружие и начинать палить из него. Просто подойдите ко мне, и все необходимые меры будут приняты.

– Да, сэр, я все понял.

– Можете идти. Следующий.

Всю дорогу домой она смеялась, потешаясь над тем, что судья не спросил ее о том, какой суммой денег располагает она, ибо все сто пятьдесят долларов, вырученных нами за выпивку, по-прежнему лежали у нее в сумочке, но после того, как мы добрались до дома, поужинали и выпили кофе, я все же велел ей замолчать.

– Тебе что, нетерпится отправиться в исправительную школу?

– Хочешь сказать, что у тебя поднимется рука меня туда отправить?

– Еще как. Если только ты сейчас же не заткнешься.

– Что, уже и посмеяться, что ли, нельзя?

– Он был прав.

Затем я попытался втолковать ей, как меня напугало это происшествие, что я из-за нее едва не убил человека.

– А ты? Как ты себя вела? И как ты только могла вот так бесстыдно заигрывать с теми мужиками? Сначала с одним, а всего через каких-то десять минут с другим...?

– А чего мне стыдиться-то?

– Ну да, это же зов крови.

– Послушай, если ты скажешь хотя бы еще слово о Морганах...

– Говорил и снова скажу, это их порода. И нам обоим следует этого бояться. Это уже заложено в нас, и мы должны сопротивляться, бороться с этим. Мы же...

– Ну да, ври больше...

– Мы же не делаем ничего.

– Какой кошмар!

– Самогонщики, палачи и трепачи, вот что говорят о тех, кто слишком долго живет в глухомани. Я всегда думал, что уж кого-кого, а меня это не коснется. Но сегодня утром я совершил преступление, выгнав пять галлонов самогона. А вечером едва не убил человека.

– И еще сегодня вечером ты хотел бы поиметь меня.

– Замолчи! Прекрати паясничать!

– Тогда почему ты хотел его убить?

– Сама должна знать.

– Наверное, ты сам по уши в меня влюбился.

– Замолчи, я кому сказал!

– Может быть, выпьем?

– Нет!

– Тогда как насчет того, чтобы тебе самому отправиться в исправительную школу?

Глава 5

Как-то вечером, закончив очередную перегонку, я пошел прогуляться по берегу ручья, и, дойдя до церкви, продолжил свой путь по ложбине, а потом сел отдохнуть под деревом и попытался собраться с мыслями. В тот день между нами снова случилась размолвка.

Теперь, когда у нее появились деньги, она покупала все новые и новые наряды: синие, желтые, зеленые и красные платья, плащи и шляпки с лентами. А еще каждый вечер мы выезжали в город и приходили в «Белую Лошадь», и хотя спиртного ей там больше не подавали, но все равно мы заказывали кока-колу, а потом она танцевала и строила глазки всем мужчинам, кто только оказывался поблизости, и затем я отвозил ее домой. Днем же она вела себя совершенно вызывающе, а однажды просто взяла и скинула туфли. А потом, продолжая жаловаться на невыносимую жару, сняла и платье, оставшись в довольно откровенном нижнем белье, после чего начала танцевать под музыку, доносившуюся из радиоприемника, вызывающе покачивая бедрами и пристально глядя на меня. Ну, начать хотя бы с того, что мы находились в угольной шахте, где температура воздуха круглый год остается неизменной, и при имеющейся вентиляции разведенный мной маленький костерок ни коим образом не мог на нее существенно повлиять. Так что мы в очередной раз

порутились, и я заставил ее одеться и выключить радио. Затем она вдруг сказала:

– Джесс, а ты никогда не задумывался о том, что это место имеет одну очень интересную особенность?

– Какую еще особенность?

– Здесь можно запросто изнасиловать женщину, и она ничего не сможет с этим поделать.

– Разве она не сможет кусаться? Или брыкаться? Или царапаться?

– И ты думаешь, что ей это как-то поможет?

– Очень даже может помочь.

– Брось. Если мужчина сильный, то ничего она не добьется. Здесь ори-не ори все равно никто не услышит. Я часто думала об этом.

– Просто поразительно, какими глупостями бывает забита голова у некоторых людей.

Я велел ей отправиться домой, в хижину и заняться там чем-нибудь по хозяйству. К тому времени мне лишь чудом удавалось сдерживать себя, и я не хотел, чтобы она догадалась о том, что я уже давно готов сдать без боя и был готов совершить любую глупость, даже выпить до бесчувствия. Именно тогда я и отправился гулять по берегу ручья, мимо церкви и дальше, через Тюлип, пытаюсь взять себя в руки и мысленно моля Бога о том, чтобы Он дал мне силы и отвел от греха.

А затем откуда-то из-за деревьев послышались странные

звуки, отдаленно напоминающие жалобный вой. Потом все повторилось, но на этот раз они стали как будто ближе. Затем я смог разобрать, что это был крик человека, зовущего какого-то Дэнни. И в следующий момент по спине у меня побежали мурашки, так как я узнал этот голос, который уже слышал, наверное, миллион раз, ибо раздавался он когда-то и в поселковом магазинчике, и на улицах поселка, и даже в моем собственном доме. Это был Моук, но только на этот раз он не пел свои дурацкие комические куплеты под аккомпанимент не менее дурацкого банджо. Он был испуган до смерти, крича дрожащим от слез голосом, то и дело принимаясь стонать, словно от бессилия, и что-то бормотать себе под нос. Затем, еле передвигая заплетающимися ногами, он побрел к своей хижине, и я украдкой последовал за ним, наблюдая издали за тем, как он остановился на пороге, держа в руке свечу, и снова принялся звать. Когда же он зашел внутрь, я потихоньку подобрался поближе и заглянул в щелку. Моук был маленьким, тщедушным человечком, но еще никогда прежде он не выглядел так жалко, как сейчас. Он сидел на земляном полу, забившись в угол, и обхватив голову руками плакал навзрыд. Отчаянные радения сотрясали все его тело, а рядом с ним на полу стояло прислоненное к стене банджо.

* * *

Я был потрясен увиденным до глубины души, ибо, во-пер-

вых, ненавидел этого человека больше, чем кого бы то ни было на этом свете, и к тому же, принимая во внимание все то, что мне довелось услышать о нем от Кейди, а также то, что мне было известно еще с прошлых времен, я не мог не задаться вопросом, а что, собственно говоря, он делает здесь, и в душе смутно догадывался, что это наверняка может иметь некое отношение и ко мне тоже. Это ощущение стало еще более отчетливым, когда, вернувшись в свою хижину, я услышал доносившийся из дальней комнаты детский плач. Я вошел в дом, и из другой комнаты меня окликнул незнакомый женский голос, пожелавший убедиться, не Кейди ли это. Я ответил, что это не Кейди, а ее отец. Она тут же вышла мне навстречу, и по ее стройной фигуре и довольно высокому росту, я без труда признал в этой молодой особе бесспорную наследницу нашего рода – рода Тайлеров. И тогда я сказал:

– А вы, полагаю, моя малышка Джейн.

– А вы мой отец.

Еще какое-то время мы стояли, взявшись за руки, и хотя нам хотелось расцеловаться, но мешала некоторая скованность.

– А можно я буду называть тебя папой? – спросила она.

– Конечно, я не возражаю.

– Раньше я называла тебя папочкой.

– Ты и это помнишь?

– Я многое помню о своем детстве: и то, как ты баловал меня, и как я тебя любила, и каким высоким ты казался мне

тогда.

– А почему бы тебе не называть меня просто «Джесс»?

– Но разве это не дерзко?

– Кейди меня так и называет. Она сама непосредственность.

– И это ей очень идет.

– ... Что ей идет.

– Все.

Девушка потупилась, и видно было по всему, что она просто несказанно чему-то рада, а потом, наконец, спросила:

– А ты знаешь о Дэнни?

– Кто такой Дэнни?

– Неужели она тебе ничего не рассказала?

– Так это Дэнни там плачет?

– Его надо покормить, и тогда он перестанет плакать. Кейди взяла твой грузовичок и поехала в город, чтобы купить все необходимое, потому что из всего, что есть у тебя здесь, он может пить лишь молоко. Но она скоро вернется. А как только мы его покормим, то ты сам увидишь, что это самый милый ребенок на свете.

– А какое отношение к нему имеет Моук?

– Ты видел Моука? – ужаснулась она.

Я рассказал ей о том, что мне довелось увидеть в лощине, и она сжала кулачки и в сердцах воскликнула:

– Век бы его не видеть. Так бы прямо и убила бы...

– Эй, эй, да что ты такое говоришь?

– Это Моук украл Дэнни.

– Так... Сначала мою жену, а потом и внука...

– Что ты сказал, Джесс?

– Ведь это из-за него все так получилось, не так ли?

– А я уж думала, ты давно забыл об этом.

– Вообще-то я не имею привычки ничего забывать.

– То, что сделал Моук, и как я разыскала его – это отдельная история. Кейди уехала от нас, а моей матери ровным счетом ни до чего нет дела, так что все заботы и хлопоты о малыше Дэнни свалились на меня, и это было так замечательно, просто настоящий подарок судьбы: ведь позможно, я так никогда и не выйду замуж, а тут у меня есть свой малыш. И вот как-то раз, вернувшись домой из магазина, я обнаружила, что он пропал, и Моука тоже нигде не было видно. Я чуть с ума не сошла, и сразу же поняла, что это Моук его забрал, потому что он всегда был без ума от малыша.

– Неужели Моук способен кого-то любить?

– Ну да, ведь ему тоже бывает одиноко. Короче, я совершенно обезумела от горя. Сначала Кейди исчезла из дома, никому ничего не сказав, а уж когда был похищен Дэнни, то выносить это было превыше моих сил. Но мама сказала, что если Моук действительно забрал ребенка, то он должен будет его куда-то привезти, что у него есть хижина в лощине, и, скорее всего, он направился именно туда. Она подробно рассказала мне, как туда добраться, и я тут же помчалась на автобус, шедший из Блаунта. А когда еще только пробира-

лась по лощине, то уже издалека услышала смех Дэнни. Моук играл ему что-то на бандхо. Я решила не рисковать и не выяснять отношений с Моуком. Ведь, возможно, он не отдал бы мне Дэнни, но зато узнал бы, что я где-то поблизости, и мог бы снова убежать и найти себе убежище в другом месте. Потом он сказал Дэнни что-то насчет того, чтобы попить, но во дворе его хижины я не увидела колодца.

– Он берет воду из соседского.

– Я тоже подумала об этом, и тут же, словно в доказательство моей правоты, он вышел из дома с ведром и отправился куда-то через луг. Тогда я забежала в хижину, схватила Дэнни в охапку и бросилась бежать обратно по тропинке. Выбравшись на дорогу, я упростила проезжавшего мимо на повозке человека подвезти нас, потому что он сказал, что едет как раз туда, где ходят автобусы. И вот мы проезжаем мимо этой хижины, и что же я вижу? А вижу я Кейди собственной персоной, которая как ни в чем не бывало развешивает во дворе белье! Джесс, я соскочила с повозки и бросилась к ней. В честное слово, в тот момент я чувствовала себя самой счастливой на свете, потому что двое самых дорогих мне людей снова были со мной: мой малыш и моя обожаемая сестра, которую я всегда любила больше жизни.

– И что сказала Кейди?

– Она тоже была в полном восторге.

А вот мне до полного восторга было далеко, ибо, если мне не изменяла память, то в прошлый раз, упоминая о Дэн-

ни, Кейди придерживалась несколько иного мнения. Однако, когда она влетела в хижину с целой охапкой свертков и пакетов, то глаза ее сверкали, словно звезды, и она вслед за Джейн вышла в дальнюю комнату, даже не взглянув мою сторону. Я остался сидеть в гостиной, мысленно уговаривая себя, что так и должно быть, что это как раз то, чего я желал для нее. Если она будет любить своего ребенка, станет ему хорошей матерью и при этом перестанет пить, бегать на танцы и заигрывать с мужиками, то это будет просто замечательно, и мне тогда тоже будет немного легче, и я наконец-то смогу выбросить из головы все те постыдные мысли насчет нее, что одолевают меня в последнее время. Ничего хорошего мне это не сулило. Если у нее был ребенок, и она его ненавидела – это ее дело, и меня не касается. Но если она не испытывала ненависти к нему, то он должен был неизбежно встать между мною и ей, и так будет всегда. Я все еще сидел, погрузившись в невеселые раздумья, в то время, как Джейн в соседней комнате подробно объясняла, как готовить смесь, и как варить кашу. Потом они начали кормить малыша, и тот перестал плакать, а Джейн ласково разговаривала с ним, рассказывая ему, какой он у них хороший и красивый. И затем Кейди вышла обратно в гостиную, села рядом и взяла меня за руку.

- Джесс, хочешь я покажу тебе своего ребенка?
- Вообще-то, не очень.
- Он очень хорошенький малыш.

– Это я уже слышал.

– И к тому же он твой внук.

– Да, я знаю.

– И вообще, Джесс, мне было бы очень приятно...

– А мне нет.

– Что ж, как хочешь. Если такое твое решение, я не стану тебе заставлять. Я увезу его отсюда. В силу некоторых причин я не могу пока еще вернуться в Блаунт. Так что мы вместе с Джейн и малышом просто переедем в гостиницу в Карбон-Сити, чтобы не докучать тебе своим присутствием.

– Я не говорил, что ты должна уехать.

– Если моему ребенку здесь не рады, то я тоже не останусь.

– Ты очень изменилась. Это все, что я могу сказать.

– А Джейн не сказала тебе, почему так получилось?

– Вообще-то, нет. Что-то не припоминаю...

– Разве она не сказала тебе, почему Моук украл его?

– Она сказала, что ему было очень одиноко.

– Он любил Дэнни, особенно с тех пор, как незадолго до моего отъезда Белл начала драться с ним и закатывать скандалы по любому поводу и вовсе без повода. Моук же все терпел, потому что был без ума от малыша, а потом, когда он узнал о том, что ребенка хотят отобрать, то он просто забрал его и уехал.

– А кто собирался отобрать твоего ребенка?

– Джейн случайно повстречался Уош.

– Это который отец Дэнни?

– Да.

– Короче говоря, тот самый подонок.

– Он не подонок.

– Он поступил, как самый распоследний негодяй.

– Его отец заставил. А потом, неделю назад, Джейн случайно встретила его на улице, в Блаунте. И он спрашивал обо мне, и о Дэнни, и был настроен весьма дружелюбно, и тогда Джейн решила поговорить с ним начистоту и спросила напрямик, почему он не женится на мне, чтобы сын носил его фамилию, а он сам...

– Перестал бы вести себя, как подонок.

– Ну, в общем, Джесс, в ответ он сказал ей просто-таки замечательную вещь.

– Что же такого он ей сказал?

– А что, что он все это время только и думал обо мне, и как только ему исполнится двадцать один год, мы с ним сразу же поженимся, вне зависимости от того, что думает на сей счет его семья. Ему же только двадцать лет, он всего лишь на год старше меня. А еще он сказал, что, возможно, ему удастся и раньше получить их согласие на брак, потому что их семью постигло большое несчастье. Его сестра, та самая, что вышла замуж за угольного магната из Филадельфии, перенесла тяжелую операцию, и у нее больше никогда не будет детей. Так что теперь внуков им может подарить только Уош. И к Дэнни они стали относиться совсем по-другому. И... и я тоже. Джесс, мне так стыдно за то, как я раньше обращалась с ним.

– Что ж, все довольны и счастливы.

– Джесс, а ты что, не рад?

– На мой взгляд, подонок – он и есть подонок.

– И что, не хочешь порадоваться за меня?

– Не будем об этом.

В глазах у нее стояли слезы. Она сидела рядом, комкая подол платья. Это было скромное голубое платьице, в котором она казалась еще более юной и милой. Я сказал, что она может остаться и жить здесь столько, сколько ей будет нужно, а я сам уеду и сниму комнату в Карбон-Сити, но она заупрямилась, и заявила, что уедет сама. Весь этот спектакль мне уже порядком поднадоел и начинал действовать на нервы, но тут из дальней комнаты вышла Джейн. Она подошла к нам, наклонилась и положила мне что-то на колени. Это был самый милый ребенок на свете. Он глядел на меня снизу вверх широко распахнутыми глазами и был розовощеким, а его кожа была мягкой и теплой. Он был голеньким, в одном лишь подгузнике. Кейди хотела было забрать его у меня, но я подхватил его на руки и пересел на скамейку у камина, крепко прижимая его к себе. Сначала мое сердце разрывалось от жалости, а потом я принялся разглядывать его и был так рад от осознания того, что это тоже моя родная кровь, что мне хотелось петь. Подгузник съехал немного вниз, и я вздрогнул, увидев у него на животике, чуть пониже пупка, большого коричневого жука, вернее, то, что показалось мне жуком. Я хотел осторожно снять его пальцами, и, заметив

это мое движение, Джейн рассмеялась.

– Это родинка.

– А мне показалось, что это какой-то мотылек.

– Ну да, это его «бабочка».

– Фу ты... а я уж перепугался до смерти.

* * *

Малыша снова унесли в другую комнату, но затем я все же вызвал Кейди оттуда.

– Я беру обратно все свои слова. Он такой милый, просто чудесный ребенок.

– И все-таки, мне, наверное, лучше уехать...

– Я не хочу, чтобы ты уезжала.

– Могу себе представить, каково тебе сейчас.

– Ничего подобного! Все в прошлом, и озлобленность, и раздражение, короче, с этим покончено. Я хочу, чтобы ты была счастлива. И если этот молодой человек хочет на тебе жениться, то он не подонок, и я буду просто счастлив, если у вас все сложится благополучно.

– Джесс, я так рада!

– И я тоже.

– Я хочу быть твоей маленькой дочкой.

– А я хочу быть твоим папой.

– Поцелуй меня.

Я поцеловал ее, и она тоже поцеловала меня в ответ, но

уже не так горячо и страстно, как прежде, а, наоборот, трогательно и целомудренно, подобно тому, как поцеловал меня Дэни, перед тем, как его унесли.

Глава 6

Она так и не объяснила мне причину своего нежелания немедленно возвратиться в Блаунт, пока, наконец, в один прекрасный день, когда все мы вчетвером сидели в тени деревьев перед хижиной, на дороге, ведущей от шоссе, не показалась большая машина. И только тогда она призналась, что отправила тому парню телеграмму, и не поедет никуда до тех пор, пока он сам не приедет за ней. Кейди и Джейн побежали в дом, прихватив с собой Дэнни, чтобы хоть немного принарядиться и привести себя в порядок, а через несколько минут виновник этого переполоха уже благополучно прибыл на место, вышел из машины и стоял передо мной – высокий, темноволосый юноша в широких брюках и голубой рубашке. Со мной он держался просто и совсем не заносчиво. После обмена приветствиями и короткого рукопожатия он обошел вокруг моей хижины и сказал, что точно такой же дом был у одного его дяди, что жил на Пейнт-Крик, где он обычно проводил летние каникулы. Просто его отцу повезло, и он стал владельцем угольной шахты, но его родственники были простыми людьми и вот так же жили в горах. Я был покорен его непосредственностью и даже начинал испытывать некую симпатию к этому парню. Когда же из хижины выпорхнула Кейди, и он заключил ее в свои объятия, я нагнулся, сделав вид, будто у меня развязался шнурок, чтобы они не замети-

ли, как у меня на глаза навернулись слезы. Затем он впервые в жизни увидел Дэнни, сидевшего на руках у Джейн. Малыш смеялся и что-то лопотал. Тогда он подошел поближе, не сводя глаз с сына, и ласково заговорил с сыном, называя его «приятелем» и пожимая маленькую ручку, как если бы это был взрослый собеседник, способный ответить на приветствие. Затем он, подобно мне, попытался согнать «бабочку» с его животика, и мы все смеялись, пили кока-колу, и вообще, наслаждались жизнью. Но когда девушки отправились в дом готовить ужин, он сказал, что ему нужно отлучиться ненадолго.

– Если ты в город, то я бы тоже поехал с тобой. Мне нужно кое-что купить, – сказал я.

– Нет, мне совсем в другую сторону. Вверх по ручью.

– Но там ничего нет.

– Зато там живет один мерзавец по имени Моук Блу.

– Ты знаком с Моуком?

– Я знаю его наглядно, и, кажется, как-то раз даже разговаривал с ним, но руки не подавал ему никогда, и вообще, пока я не получил телеграмму от Кейди, мне не было до него ровным счетом никакого дела. А вот теперь у меня проснулся жгучий интерес к его персоне. И я буду не я, если не посажу его за решетку за то, что он попытался похитить моего мальчика.

– И теперь ты решил отомстить ему?

– Именно, Джесс.

– Я пойду с тобой.

– Ты хочешь сказать, что мы сделаем это вместе?

– Ага, вот только винтовку возьму...

– Я обойдусь без оружия.

– Откуда такая уверенность?

– У него же нет ружья. Я это точно знаю.

– Но он мог купить его тайком ото всех. К тому же, ему стоит лишь крикнуть, как к нему на подмогу кинутся примерно восемнадцать братьев и сватьев, и, по крайней мере, у половины из них есть ружья.

– Джесс, если мы возьмем с собой ружье, то я точно пристрелю эту скотину.

– Тогда лучше не надо.

Мы сели в его машину и доехали на ней до церкви, а затем продолжили путь пешком, пройдя по тропинке, ведущей на другой конец лощины, и дальше, вдоль оврага, к хижине Моука. В доме никого не оказалось, и хотя в одном из углов стоял мешок с фасолью – что само по себе еще ни о чем не говорит – но только с первого взгляда совершенно невозможно было определить, жил ли здесь кто-нибудь последние два-три дня, или же хозяин жилища только что вышел и с минуты на минуту должен вернуться, или же он отправился на другой конец лощины или вниз по ручью. Но в то время, как мы стояли, перешептываясь и решая, как быть дальше, Уош внезапно вскинул руку, и я проследил направление его взгляда. Через кукурузное поле, находящееся как раз под

нами, пробирался украдкой какой-то парнишка, направлявшийся в сторону лесных зарослей на противоположной стороне оврага.

– Джесс, ты знаешь его?

– Это Берди Блу. Двоюродный брат Моука.

– Он пошел предупредить его.

– Значит, вскоре он должен будет вернуться, чтобы продолжить наблюдение.

– Если мы засечем время, то можно будет вычислить, как далеко он ходил.

С этими словами Уош достал из кармана часы. Время шло, мы терпеливо ждали. Изредка я украдкой поглядывал в его сторону, и он вызывал у меня все большее расположение. За все это время он не проронил ни слова, а лишь неотрывно глядел туда, где должен был бы пройти отправившийся в обратный путь мальчишка, и взгляд его был полон решимости, свидетельствующей о том, что, если потребуется, он будет ждать, не сходя с этого места, целую неделю, но все-таки сделает то, ради чего пришел сюда. Через полчаса мальчишка появился из-за деревьев, и затем вдруг Уош внезапно хлопнул себя по лбу.

– Джесс, мы с тобой два идиота.

– А что случилось?

– Банджо-то нет!

– Ну и что?

– Он опасался, как бы его здесь не накрыли, и в то же

время бандуру свою прихватил с собой. Идем.

В задней стене хижины не было окна, но нам удалось расшатать и выломать одну из досок, и через образовавшийся лаз мы выбрались наружу, после чего направились вверх по склону. Хижина заслоняла нас от мальчишки, что теперь сидел, затаившись в кустах и наблюдая за моей шляпой, которую мы специально для этого приладили на косяке двери. День близился к закату, в воздухе носились тучи комаров, но мы стоически терпели их укусы, стараясь не шуметь, и уже очень скоро забрались достаточно высоко. Здесь Уош остановился, огляделся по сторонам и прошептал, что если где поблизости и раздастся какой-либо шум, то мы его обязательно услышим, так как звук распространяется снизу вверх. И действительно, здесь было хорошо слышно все, что происходит внизу – начиная от грохота воды по камням близ церкви до приглушенных голосов людей, давно разошедшихся по домам, и птичьего чириканья. Он схватил меня за руку, мы прислушались и среди всей этой какофонии звуков нам удалось-таки услышать треньканье банджо. Уош выпрямился, повернулся сначала в одну сторону, затем в другую, после чего прикрыл рукой сначала одно ухо, потом другое, и мгновенно вычислил нужное направление. Мы отправились туда, и в конце концов оказались перед небольшим каменным колодцем с навесом и железным колесом. Моук сидел на краешке и, склонив голову к плечу, перебирал струны банджо, наигрывая какую-то унылую мелодию, не имевшую ничего

общего с шутивными песенками из его обычного репетуара. Он был таким маленьким и тщедушным, что издали больше был похож на седого мальчишку, чем на взрослого мужчину. Уош подобрался к Моуку сзади и, схватив его за шиворот, сильно встряхнул, так, что тот жалобно захныкал.

– В чем дело? Уош, как ты здесь оказался?

– А разве мальчишка не предупредил тебя, что я здесь?

– Откуда ему знать? Он сказал, что приходил Джесс, а с ним какой-то человек.

– Сейчас мы с тобой поедem в Карбон-Сити.

– Зачем?

– Чтобы упрятать тебя за решетку. За то, что ты натворил.

Тут я шагнул вперед и велел Моуку заткнуться, а Уоша попросил закругляться с разговорами. Потому что дорога обратно проходила мимо трех хижин, расположенных ниже по склону, и еще четыре дома находились по ту сторону оврага. Нам их видно не было, а вот они могли нас запросто увидеть. Так что если мы все-таки потревожим их сон, то нам самим может не поздоровиться. Затем мы отвели его вниз, к машине. Уош сел за руль, а я расположился с другой стороны, и Моук оказался зажатым между нами. Когда мы добрались до моей хижины, то там в саду под деревьями был уже накрыт стол, горели свечи, а Кейди и Джейн высматривали нас на дороге, не зная, куда это мы могли запропасться.

– Ужинайте без нас, – сказал Уош, обращаясь к Кейди. – Мы скоро вернемся, вот только сдадим в каталажку этого

урода. А вы ешьте, а то все остынет.

– В каталажку? Но зачем?

– Разве он не похитил нашего мальчика?

– Так он ведь не желал ему зла.

– Но это могло стоить Дэнни жизни.

– Уош, Моук – друг моей матери, ей сейчас нездоровится, и, может быть, ей сейчас, как никогда, нужно, чтобы он был рядом. Да и что с него взять-то? С этого полоумного придурка... Так что почему бы нам с тобой не вспоминать больше о плохом и заняться своими делами, вместо того, чтобы пытаться засадить его за решетку, где от него все равно не будет никакого проку?

– А что если я не такой уж полоумный, как тебе кажется... – попробовал было возразить Моук.

– Если бы да кабы.

Последняя фраза принадлежала мне, и затем я сказал ей, что все-таки есть на свете такие вещи, которые нельзя просто забыть и простить, и что Моуку еще повезло, что мы не пристрелили его на месте, ибо ничего другого он не заслуживает. Все это время она пристально глядела на меня, а затем сказала:

– Джесс, с тех самых пор, как я поселилась у тебя, ты только и делал, что без устали твердил мне о том, что нельзя поддаваться эмоциям и заикливаться на прошлом. Я же хочу обратить твое внимание на то, что злопамятность это тоже грех, и это особенно касается живущих в этом околотке в

окрестностях ручья и до сих пор хранящих память о том, о чем все остальные уже давным-давно позабыли.

– Джесс, ну мы едем, или как?

– Поехали.

Уош, все это время сидевший в машине, снова завел мотор, и она отступила в сторону.

– Ладно, Уош, поступай, как знаешь, но просто удивительно, сколько шуму ты можешь наделать из-за какого-то пустяка.

– По-твоему это пустяк?

– Это не твой сын.

– Ничего, завтра он им станет.

– Речь не о том, кем он станет завтра. А о том, кем он является сейчас, и кем он был на момент похищения. Если ко мне станут приставать с распросами, то я отвечу, что мне нечего на это сказать, а если мать не подписывает заявление, то все, делу конец. За исключением тех случаев, когда у ребенка есть отец.

– Кейди, почему ты защищаешь Моука?

– Джесс, ты что, совсем рехнулся? Кто тут защищает Моука? Я защищаю лишь себя и своего маленького сына, о котором, похоже, тут все вообще уже и думать забыли. Или ты думаешь, что мне хочется, чтобы вся эта афера попала на страницы газет, чтобы все узнали бы о том, что Дэнни, выражаясь их языком, это «дитя любви»? Лишь одному Богу известно, что еще могут напридумывать эти репортеры!..

– Наш сюжетец явно не тянет на газетную сенсацию.

– Это похищение-то ребенка?

Она подошла вплотную к машине и теперь ее слова были обращены только к Уошу.

– Неужели тебе мало того, что ты уже сделал, и ты хочешь заставить меня страдать снова? К чему весь этот спектакль?

– Я все равно засажу его за решетку.

– Да ты даже этого не можешь толком сделать.

– А ты что, знаешь способ лучше?

– Ты собираешься сдать его полиции округа Карбон, в то время, как преступление было совершено в Блаунте? Здорово придумано, нечего сказать. Ну притащишь ты его в участок, а тебе там скажут: «Извини, сынок, в целом ты, конечно, прав, но вот кое в чем все же ошибаешься». А потом еще...

– Слушай, почему бы тебе не заткнуться.

Еще с минуту они молча разглядывали друг на друга, но теперь это уже была просто парочка подростков, играющих в гляделки, и в следующий момент оба рассмеялись. Он вышел из машины, и она напоследок еще раз назвала его безмозглым тупицей, но в ее голосе уже не было раздражения, так что схватку можно было считать оконченной. Тогда я тоже прыгнул на землю и велел Моуку вылезать и отправляться на все четыре стороны. Он покорно выбрался из машины и отправился в обратный путь, вверх по течению ручья. Уош же бросился за ним и напоследок пнул его ногой под

зад, отчего Моук растянулся на земле. Маленький человек медленно поднялся с земли и, задыхаясь от ненависти и брызгая слюной, начал шепотом проклинать Уоша. И тут Кейди подошла к нему и отвесила звонкую пощечину, сказав, что он еще легко отделался. Моук все еще стоял, тяжело дыша, и раз или два даже открывал рот, чтобы что-то сказать, но так и не осмелился произнести ни звука. Но затем Джейн принесла ему остававшееся в машине банджо, и, взяв инструмент, он повернулся и зашагал восвояси.

* * *

И все же ничто не могло омрачить нашу радость, ведь с нами был наш Дэнни. Когда Джейн, прежде, чем уложить малыша спать, вынесла его ненадолго на улицу, все ужасно обрадовались, смеялись, разговаривали с ним, и мы с Уошем по очереди держали его на руках. А затем совершенно неожиданно малыш посмотрел на Уоша и вместо привычного детского лепета вдруг вполне отчетливо сказал «Уош» и засмеялся. Это было его самое первое слово, и это привело всех присутствующих в неопикуемый восторг, а счастливая Кейди подхватила сына на руки и крепко прижала его к себе, после чего малыш снова повторил это слово, и похоже, был весьма доволен собой. А затем мы услышали гул мотора приближающейся машины, и я увидел белую машину буксировщика с автозаправки, находившейся на шоссе, на кото-

рой работавший там парень время от времени за пятьдесят центов подвозил пассажиров, направлявшихся вверх по течению ручья. Белый автомобиль остановился, и из него кто-то вышел, после чего машина благополучно развернулась и укатила обратно под горку, а мы все замерли, всматриваясь в темноту и пытаясь разглядеть шагавшую по тропинке фигурку с небольшим саквояжиком в руке. У меня упало сердце, ибо такой примечательной походки – три шага нормальных, а четвертый шаркающий – не было больше ни у кого. Это была Белл.

– Джесс, а что ей здесь нужно?

– Спроси что-нибудь полегче.

После ужина Кейди и Уош отправились немного прокатиться, Белл собралась ложиться спать, а мы с Джейн пошли прогуляться вдоль берега ручья. С появлением Белл все веселье расстроилось, отчасти из-за того, что на нас тут же посыпались пошловатые идиотские шуточки в стиле семейки Морган, а отчасти из-за ее наряда, вид которого наводил на мысли о замызганной придорожной забегаловке. Уж не знаю, что она делала со своими вещами, но только стоило ей нарядиться во что-то новое и чистое, как уже в очень скором времени одежда совершенно утрачивала свой изначально безукоризненный вид, превращаясь в некое подобие рубища, открывавшее постороннему взгляду гораздо больше, чем хотелось бы видеть окружающим. На ужин она смогла выпить лишь стакан молока, принявшись подробно объяс-

нять, что ей просто захотелось увидеть Дэнни до отъезда Уоша и Кейди, как будто факт их отъезда – если они, вообще, собирались уезжать – был тайной за семью печатями, и кроме нее одной больше никто об этом не знал. Когда же Дэнни вынесли к ней, то она лишь мельком взглянула в его сторону и махнула рукой. Похоже, мысли Белл были заняты чем-то другим, и даже пошлые шутки в ее исполнении производили куда менее убойный эффект, чем обычно. Каждую шутку Белл всегда повторяла по три раза: первый раз, чтобы ее просто услышали все, во второй – на тот случай, если вдруг кто-то из присутствующих, не дай Бог, чего-то не понял или не расслышал, и, наконец, в третий – чтобы самой от души поржать над ней. Так что когда Джейн приготовила ей постель в гостиной, и она объявила, что устала и собирается лечь спать, никто не стал возражать. Уош остановился в Карбон-Сити, в гостинице «Черный Бриллиант», но им с Кейди нужно было обсудить кое-какие вопросы, связанные с предстоящей свадьбой, так что они уехали вместе в его машине, а мы с Джейн отправились на прогулку. Разговор зашел о Белл.

– Знаешь, Джейн, она сильно похудела и больше не напоминает маленькую жирненькую куропатку, но выглядит она довольно неплохо, учитывая те восемнадцать лет, что прошло со времени ее отъезда.

– Да, вечером она выглядит вполне нормально.

– Ну, конечно, при свечах многое кажется другим, чем

при свете дня...

– Свечи тут не при чем. Это жар. К вечеру температура повышается на пару градусов, и тогда глаза у нее сверкают, на щеках появляется румянец, и она в самом деле кажется хорошенькой. Но вот утром, когда температура опускается ниже нормальной, вид у нее ужасный. Лицо приобретает землистый оттенок, она постоянно кашляет, а взгляд становится отрешенным, словно она смотрит куда-то в даль.

– Это туберкулез.

– Да. Она совсем плоха.

– Жаль, очень жаль...

– Но что ей нужно здесь? Зачем она приехала?

– Если тебя интересует мое мнение, то здесь она не из-за нас и не из-за Дэнни. Для того, чтобы найти объяснение тому или иному поступку Белл, то начинать надо с Моука, ибо первопричина всех ее решений кроется в нем.

– Нет, это вряд ли.

– Значит, она изменилась.

– С рождением Дэнни их с Моуком отношения испортились окончательно. До тех пор она не обращала внимания на то, что мы с Кейди думали о нем, и у них все вроде бы было нормально. Но как только в доме появился Дэнни, начались скандалы. Это было похоже на то, как если бы их связывала какая-то тайна, в которую не был посвящен больше никто, кроме них самих.

– И что же это было?

– Понятия не имею.

Глава 7

Я не помню, как долго это продолжалось, но мне показалось, что я слышал это всю свою жизнь – этот голос в тишине ночи, выкликающий мое имя, и отчаянный стук в дверь хижины. Я в это время мирно спал в сарае на своей койке, так что к тому времени, как я выбежал во двор, Кейди уже открыла дверь черного хода. Она зажгла лампу, которой мы пользовались на своем подпольном заводе, устроенном в шахте, и при ее свете мы увидели Моука – хныкая и жалобно подвывая, он что-то бессвязно бормотал.

– Кейди, ей-Богу, я даже не знал, что она была здесь. Я даже не знал, что это была она до тех пор, пока не отшвырнул ее от себя, когда она пыталась убить меня. А потом зажег спичку и увидел кровь.

– Какую еще кровь?

– Из ее рта! У нее изо рта текла кровь.

– Ты же знаешь, что нужно делать, когда с ней такое случается. Так ты сделал, что надо, или же так перепугался, что позабыл обо всем на свете?

– Я оставил ее лежать на полу в моей хижине. Я сделал все, как полагается, а потом бросился сюда за помощью. Я бежал вю дорогу. Но раньше с ней никогда не случалось ничего подобного.

– Джесс, это все из-за больного легкого.

– Знаю. Я съезжу за врачом.

– Нет, сначала отвези меня к его хижине или, по крайней мере, так близко к ней, как только возможно. Затем поезжай в Карбон-Сити за доктором. Разбуди Уоша и попроси его привезти врача из гостиницы. Но это уж предоставь ему. Сам же немедленно возвращайся и привези самое главное – лед. Мы обложим им ее бок, чтобы он остудил кровь и остановил кровотечение. Нужно много льда. Лучше всего коло-того, но в случае чего бери целиком и поскорее возвращайся. Так будет лучше, чем ждать, пока они его там будут колоть.

Сборы не заняли много времени. Она забежала в дом, на-кинула на себя плащ и вытряхнула из сумки Белл все нахо-дившиеся там лекарства. Я же подошел к окну, у которого стояла Джейн и сказал, что она останется здесь с Дэнни и будет ждать нашего возвращения. Затем с ее помощью я по-грузил постель Кейди – как она была вместе с простынями и подушками – в кузов грузовичка, так как в той хижине не было никакой мебели, один лишь земляной пол, и даже если перевезти ее куда бы то ни было не будет никакой возмож-ности, то в любом случае ей нужно будет на чем-то лежать. К тому времени Кейди была уже готова и залезла в машину. Моук тоже последовал ее примеру. Но все это время у меня из головы никак не шла оброненная им фраза, и чем больше я думал об этом, тем бессмысленнее она казалась.

– А что ты сказал насчет того, что она пыталась убить те-бя?

– А ты что, глухой и не понимаешь человеческого языка?

– Я задал тебе вопрос.

– Она пробралась в хижину, когда я спал. Я не знаю, откуда она появилась там. Первое, что я понял спросонья, так это что кто-то накинулся на меня с ножом.

– Так ты, вроде бы, и не ранен совсем.

– Зато собаке досталось.

– Какой еще собаке?

– Любимому псу Берди Блу. Когда я накануне вечером вернулся домой, бедный пес бродил во дворе моей хижины, и я позвал его в дом, чтобы не было скучно одному. Потом я лег спать на расстеленных на полу мешках, и он устроился рядом. Так что первый удар, а может быть и несколько последующих, пришлось на него. Она размахивала ножом, как одержимая, а когда почувствовала, что лезвие во что-то воткнулось, то, наверное, решила, что прикончила меня. Нож отобрал, а потом у нее изо рта хлынула кровь?

– Зачем же ей было нужно убивать тебя?

– Понятия не имею.

– Ладно, кончай врать.

– Вот возьми и сам спроси у нее.

Но к тому времени, как мы все-таки добрались до места, нам было уже не до расспросов. Заехав двумя колесами грузовика на тропинку, а двумя прокладывая колею по целине, подпрыгивая на кочках, я подвел машину так близко к хижине, как только мог. Она все еще лежала на полу, но во-

круг нее уже суетились двое или трое соседей с фонарями. Они пытались поднять и посадить ее, а этого, как объяснила мне Кейди, нельзя было делать ни в коем случае. Так что мы попросили их оставить ее в покое, а вместо этого пойти и помочь нам перенести кровать из грузовика. Дверь хижины оказалась слишком узка, но они наклонили ее и втащили боком, а потом еще подложили под ножки доску, выбитую раньше мною и Уошем из стены, чтобы сгладить неровности земляного пола. Затем Кейди наполовину скатала простыню и разложив ее на полу рядом с Белл, подпихнула под нее скатанную часть, а после снова распрямила ее. Затем все мы взялись за края простыни, подняли Белл с пола у перенесли ее на кровать. На полу же к тому времени уже успела собратся лужица крови, посреди которой лежала мертвая собака, и теперь эта самая кровь устремилась тоненьким ручейком по покатоному полу к двери. В воздухе держался стойкий запах спекшейся крови. Я велел одному из добровольных помощников унести и похоронить собаку и вытереть с полу кровь, но Кейди перебила меня, сказав, что сейчас не время беспокоиться о подобных пустяках, и велела поскорее отправляться за льдом. Так что я помчался в гостиницу, заскочил к Уошу и, сказав ему, чтобы он вместе с врачом ехал в хижину Моука, сам подошел к портье за стоялкой и объявил, что мне нужен лед. Он выполнил мою просьбу очень быстро. Ибо прежде, чем отправиться в лощину, я захватил из своей хижины и прицепил к поясу кобуру с револьвером,

что до этого висела на стене рядом с винтовкой. На окружающих это средство обычно действует безотказно.

Остаток ночи был похож на какой-то сумбурный кошмарный сон, в котором врач давал Белл вдыхать какое-то лекарство, Кейди рвала простыни на полосы, чтобы сделать из них мешочки для льда, а вокруг толпились соседи из лощины, молча наблюдавшие за происходящим и охотно помогая, когда это было нужно. Уж не знаю, слышали ли они что-либо, когда у Белл с Моуком произошла та небольшая потасовка в темноте, но только к тому времени, как Уош приехал вместе с доктором, собака была убрана из хижины, нож тоже куда-то исчез, и ни слова не было сказано вслух о том, что кто-то кого-то пытался убить. Врач увидел здесь лишь то, что ему и полагалось увидеть – большую женщину, страдающую от легочного кровотечения и больше ничего. Где-то ближе к рассвету он все-таки сумел остановить кровь и отправился домой, предварительно отозвав Кейди в сторонку. И тогда мы с Уошем как бы ненароком оказались поблизости, чтобы слышать, о чем пойдет речь.

– Мисс, вы дочь миссис Тайлер?

– Да, я ее дочь.

– Вы знаете, что это означает?

– Вы хотите сказать, что она очень плоха?

– Если бы она находилась в больнице, где я мог бы вводить ей необходимое питание, перелить ей пару кварт крови, а затем, когда она достаточно бы окрепла, порвести кол-

лапс больного легкого, то, возможно, она и протянула бы еще несколько месяцев или даже лет. Но здесь я ничего сделать не смогу, а переезда до города она не выдержит. Надеяться больше не на что. Это может случиться в любой момент, но, возможно, она протянет до вечера. Ее температура опустилась до 36.1, и, принимая во внимание лед, которым она обложена, поднять ее не представляется возможным. Вскоре температура постепенно опустится до 35.7, а затем последует резкое понижение. После этого она впадет в кому, а там уж дело времени.

– Мы более или менее ожидали этого.

– Когда все будет кончено, вызовите меня. Я подпишу бумагу.

– Я позвоню вам с бензоколонки, что на шоссе.

* * *

Она глядела на видневшиеся за окном деревья и была очень бледна из-за потери крови, но Кейди красиво уложила ей волосы и даже завязала в них ленту, и в какой-то момент, когда в комнату проникли первые лучи восходящего солнца, а воздух звенел от щебета птиц, мне показалось, что она снова стала такой, какой я увидел ее впервые, в церкви, на вечерней службе. Тогда ее отец только-только переехал в город и устроился работать на шахту. Она глядела прямо перед собой и с серьезным видом пела гимн. Я же не сводил

с нее глаз, и в следующее мгновение она вдруг посмотрела в мою сторону и озорно подмигнула. Через месяц мы поженились. Ей четырнадцать, а я был на четыре года старше, самый обычный возраст для шахтерского поселка. Странно, казалось бы, столько всего уже произошло, а ведь ей всего только тридцать девять лет. Некоторое время спустя, она протянула руку и дотронулась до моей ладони.

– Джесс, я скоро умру.

– Мы делаем все, что можем.

– Я знаю, но я все равно скоро умру.

– Белл, мне очень жаль.

– А мне нет. Джесс, я сломала себе всю жизнь.

– Ты прожила ее так, как хотела.

– Я прожила ее в свое удовольствие, но хотелось мне совсем другого. Мы могли бы быть счастливы с тобой, потому что мы любили друг друга, и этого было вполне достаточно. Но мне обизательно нужно было все испортить, и я принялась поступать на зло и наперекор тебе. Ты ходил в церковь, верил всему, что слышал там, ко всему относился серьезно и никогда не пил. Я же из-за этого считала тебя чокнутым, а когда попробовала выпивку, то мне это так понравилось, что я уже совсем не могла тебя переносить. И тогда я начала действовать. Я натворила гораздо больше ошибок, чем ты думаешь, Джесс. А потом еще связалась с Моуком. Десять таких, как он не стоили тебя одного, и я знала это, но ничего не могла с собой поделать. Он пел мне свои комические пе-

сенки, мы тайком встречались у ручья, пили яблочную водку, и я возвращалась домой такой пьяной, что едва держалась на ногах и притворялась, что мне якобы нездоровится, пожевав предварительно корешок сассафраса, чтобы ты не учуял запаха выпивки. А потом и вовсе сбежала с ним.

– Я рад, что хотя бы он сумел сделать тебя счастливой.

– Не сумел.

– Ты, наверное, рассчитывала на большее.

– А на деле все получилось хуже не придумаешь.

Она устало закрыла глаза, и мне показалось, что сейчас она продолжит говорить, и я наконец-то узнаю, зачем она приехала сюда, почему пыталась убить Моука, и почему он похитил Дэнни, а также получу ответы на все прочие вопросы, теснившиеся у меня в голове на протяжении последних нескольких дней. Но она лишь спросила, нельзя ли ей увидеть Дэнни, и тогда я вскочил в свой грузовичок и помчался к себе, и как только Джейн одела ребенка, мы привезли его к ней. Белл долго глядела на малыша, разговаривала с ним, взяла его за ручку и легонько потеревшила за маленькие пальчики. И все это время я держал Дэнни на руках. Это доставляло мне ни с чем не сравнимое удовольствие, и она, наверное, заметила это, потому что спросила:

– Джесс, он тебе понравился, да?

– Не то слово!

– Вот-вот. Люби его. Я так хочу.

Звтем она снова закашлялась и устало откинулась на по-

душки, а Кейди немедленно подошла к ее кровати, чтобы узнать, в чем дело. Мой же взгляд упал на Моука. Он сидел на пороге хижины и глядел на меня с такой ненавистью, на которую, как мне казалось, не может быть способен человек.

* * *

Белл подозвала к себе дочерей и попрощалась с ними, и когда она говорила с Кейди, то нежно гладила ее пальцами по лицу и любовно глядела на нее, что у меня перехватило горло. Это было необыкновенно трогательное зрелище, и в душе я был рад этому, потому что мало ли что может произойти между людьми, но они были ее дочерьми, и теперь, когда она находилась при смерти, обе стороны простили друг другу былые обиды.

А затем она попросила подойти Моука, но тот даже не повернул головы.

– Моук, я хочу поговорить с тобой.

– Мне тебе нечего сказать.

– Моук, я умираю.

– Ну так умирай.

– Моук, я любила тебя, и теперь хочу попросить тебя кое о чем. Это мое право, и ты должен выслушать меня.

– Не буду я ничего слушать.

– Моук, ну тогда хотя бы спой для меня одну из своих песенок, ладно?

С минуту он молчал, а затем подошел к ее кровати, положил голову ей на плечо и позволил ей легонько похлопать его по спине и что-то прошептать ему на ухо. А пел он ей или нет, этого я не знаю. Оставив их наедине, я поехал обратно к себе домой и остался там вместе с Джейн, охраняя сон малыша Дэнни. Вскоре Берди Блу приехал верхом на муле и сообщил нам, что Кейди просила нас съездить за доктором.

Глава 8

День уже клонился к вечеру, когда я, наконец, привез доктора в Тююлип. У церкви нам навстречу попалась Кейди, и я остался вместе с ней дожидаться возвращения доктора, который отправился вверх по склону в сторону хижины, чтобы засвидетельствовать смерть и уладить все формальности. Через минуту по дороге мимо нас прогромыхала повозка, в которой находились двое мужчин. Они везли большой деревянный сундук из-под инструментов, что прежде стоял у входа в штрек старой шахты. Повозка также проследовала в сторону хижины Моука, и вскоре с той стороны послышался стук молотков.

– Джесс, ты слышишь это?

– Чем они там занимаются?

– Делают гроб.

– А кто их об этом просил?

– Моук, наверное?

– А он-то здесь при чем?

– Он занимается ее похоронами.

– А кто еще?

– Какие-то женщины, его родственницы. Они уже обмыли ее, и как только доктор закончит, ее начнут одевать.

– Странно, что со мной никто не счел нужным посоветоваться.

– А зачем?

– Ну хотя бы потому, что по закону она была моей женой.

– А перед Богом она все-таки была его.

– Сомневаюсь, чтобы он был ей хорошим мужем.

– Уж не знаю из-за чего там они ссорились, это их дело.

Но он любил ее, хоть, конечно, вряд ли это может служить достаточным оправданием для мужчины. И мне кажется, что ты не станешь становиться из-за этого на дыбы и устраивать скандал лишь потому, что тебе он не нравится.

– Я тоже когда-то любил ее.

– Так то «когда-то». А речь идет про «сейчас».

По склону холма спустились трое молодых людей, в руках у которых были охапки зеленых лавровых веток для похорон, и Кейди провела их в церковь и показала, куда и что положить. Я знал всех троих. Это были Лью Кэсс, Бобби Хантер и Люк Блу, но я не обратил на них внимания, ибо ни один из них не заговорил со мной.

* * *

Утром мистер Риверз, священник, направлявшийся в своей машине на заупокойную службу, остановился у моей хижины, чтобы отвезти нас в церковь. Кейди села в автомобиль, за ней последовала Джейн с Дэнни на руках. Я тоже взялся за ручку дверцы, но он остановил меня.

– Постой, Джесс. А на твой счет никаких распоряжений

не было.

– А кто должен был распоряжаться?

– Ну, я даже и не знаю...

– Мне не нужно специального приглашения.

Я решительно сел в машину. С минуту или две он сидел неподвижно, положив руки на руль, словно раздумывая о чем-то, а затем завел мотор и мы поехали дальше. На лужайке перед церковью уже стояло несколько машин, и рядом с ними он припарковал и свою. Мы вышли и все вместе направились к церкви.

– Погоди. Не так быстро.

Навстречу нам вышел Эд Блу в сопровождении троих или четверых своих приятелей. В руках у них были винтовки.

– Кейди и Джейн с малышом могут пройти. А Джесс останется. Ему там делать нечего.

– Кто это сказал?

– Моук.

Кейди и Джейн переглянулись, и после неловкого замешательства Кейди сказала:

– Джесс, это ужасно, он поступает жутко некрасиво, и мне очень хотелось бы уйти отсюда вместе с тобой прямо сейчас. Но все-таки она моя мать. Я не могу вот так просто взять и отвернуться от нее.

– Джейн, ты тоже так считаешь?

– Да, Джесс.

– Ладно, тогда мне не остается ничего другого, как взять

и уйти, но только Дэнни вы туда не понесете. Однажды этот недомерок уже попытался украсть его, и черт его знает, что может взбрести в голову этому обмылку на этот раз. Я заберу его с собой домой.

– Да, наверное, так будет лучше.

Когда я принес малыша домой, Уош был уже там. Он сидел в машине, читая утреннюю газету.

– Что, решили не брать его на похороны?

– Все дело не в нем, а во мне.

Когда я рассказал ему, как было дело, он выругался и, не находя себе места от охватившего его возмущения, заявил, что мы должны взять винтовки, отправиться туда и хорошенько проучить всех тех сволочей.

– Нет, Уош, так нельзя.

– Это почему же?

– Во-первых, это похороны, и негоже срывать их, устаивая пальбу. А, во-вторых, если бы я согласился на нечто такое, то мне пришлось бы оставить Дэнни, и тогда они нашли бы какой-нибудь способ навредить ему, чтобы таким образом свести счеты со мной.

– Да, а я совсем об этом забыл.

Он принялся расхаживать взду-вперед по берегу ручья, нервно щелкая пальцами, а затем удалился в хижину и вскоре вышел оттуда, держа в руках мою винтовку.

– Не волнуйся, никаких глупостей я делать не собираюсь. Просто хочу наведаться в то укромное местечко на скло-

не позади его хижины. Туда можно пробраться через лес, оставаясь никем не замеченным, а когда он пойдет домой из церкви, то мы сможем довести до конца однажды уже начатое дело. Я схвачу его, приведу с собой, после чего мы сдадим его в каталажку, как и было задумано с самого начала. А то этот недомерок слишком быстро забыл о том, что он все еще является похитителем моего мальчика, и даже если для этого мне придется отправиться в Блаунт, то будь уверен, я не поленюсь и потрачу на это целый день. И на этот раз меня не остановят никакие уговоры и доводы типа тех, что Дэнни, видите ли, пока еще не носит моей фамилии. У него будет моя фамилия, и произойдет это задолго до того, как этот урод предстанет перед судом присяжных.

Он ушел по тропинке, ведущей в лес. Но назад вернулся также в гордом одиночестве.

– Джесс, ты помнишь, почему ты с тобой выбрали то место?

– Чтобы все было слышно.

– Вот и сегодня я слышал все. Я слышал каждое слово, сказанное священником, и гимны, которые они пели, и чей-то плач. А затем, выбравшись на край оврага и взглянув вниз, я увидел их всех. Они вышли из церкви – шесть мужчин, несущих маленький серый гроб.

– Сколоченный из сворованного сундука для инструментов.

– Ну вот. Они взяли два отрезка веревки и прибили их в

нескольких местах вдоль обеих сторон гроба, так, чтобы получились как бы ручки. Значит, они отнесли его на кладбище, что за церковью, и там еще немного помолились. Потом опустили гроб на двух веревках в могилу. И все. Вся компания разошлась по домам. Я уже держал винтовку наготове, потому что Моук тоже отправился к себе, и он был один. Но тут его окликнула Кейди. Запыхавшись, она нагнала его, чтобы попрощаться. Он не обратил на нее особого внимания и лишь рассеянно сказал, что слышал о том, что она выходит замуж, и пообещал прийти на свадьбу. Она же ответила ему на это, что свадьба будет в городе, в Карбон-Сити. Нет, ты представляешь?! Это было уже что-то новенькое.

– Я тоже впервые слышу об этом.

– Она же хотела, чтобы мы поженились в той маленькой церквушке.

– До тех пор, пока меня не выперли оттуда взащей.

– Возможно, все дело в этом. Он же сказал, что, мол, ладно, он тогда придет сюда, и уже отсюда вместе с ней поедет в город. Она же возразила, что в машине может не оказаться свободного места. Он же ответил, что он доедет и на автобусе. Джесс, и ты знаешь, что она сказала ему на это?

– Понятия не имею. Ну так что же?

– Она сказала: «Моук, я хочу, чтобы гостями на моей свадьбе были лишь друзья, самые близкие и дорогие мне люди. Мне и так слишком долго пришлось терпеть твое присутствие, но я пошла на это, чтобы не расстраивать мать. Ес-

ли же ты все-таки припрешься на мою свадьбу, то я попрошу Джесса обойтись с тобой точно таким же образом, как ты обошелся с ним сегодня. Просто велю вышвырнуть тебя вон, даже если для этого ему придется взять в руки винтовку. Так что счастливо оставаться. Надеюсь, теперь ты навсегда уйдешь из моей жизни.»

– И что он ней на это сказал?

– А что он мог сказать?

– И он это проглотил?

– Он развернулся и побрел к своей хижине. Джесс, может быть, ты думаешь, что я струсил, но, черт возьми, если такой исход дела тебя устраивает, то он устроит и меня.

– Меня это вполне устраивает. Я отомщен.

– Ну тогда и черт с ним.

– Что ж, последуем ее совету и вычеркнем его из нашей жизни.

Мы пожали друг другу руки, и Уош побежал в дом, спеша до возвращения девушек возвратит винтовку на место, чтобы Кейди не догадалась о том, что он еще совсем недавно замышлял.

* * *

– Джесс, ты рад?

– Не то слово!

– И я тоже. Даже не верится. Наверное, это неправильно-

но. Разве можно прыгать от счастья, спустя всего каких-то несколько часов после похорон собственной матери?

– Что же в этом плохого?

– Знаешь, Джесс, возможно, так и должно быть. Один жизненный этап заканчивается, и затем начинается другой. И если в моей душе и было нечто такое, с чем мне приходилось бороться, как ты всегда мне говорил, то, наверное, нетрудно догадаться, откуда все это шло. И вот теперь эту часть меня мы только что похоронили. А завтра я начну новую жизнь. Все будет по-новому, и я тоже буду не такой, как прежде. И лично мне совершенно ясно, чья в этом заслуга. Джесс, в чем-то ты уступил. Но не более, чем это было необходимо для того, чтобы удержать меня дома и не дать мне оказаться на дне пропасти, куда я неизбежно скатилась бы, не будь рядом тебя. Ты сам боролся с трудностями и научил меня преодолевать их. Так что, если я должна быть кому-то благодарна, так это тебе, Джесс. И я никогда не забуду того, что бы сделал для меня.

Она взяла меня за руку, а в небе над лесом встала луна, свет которой посеребрил воды ручья.

– Я люблю тебя, Кейди.

– И я тоже люблю тебя, Джесс. И еще я очень горжусь тобой.

– Мне очень жаль, что ты уезжаешь, но все равно я очень рад за тебя.

– Тебе пришлось здорово потратиться из-за меня.

– Ну что ты. Какие пустяки...

– На тот наш заводик и все остальное.

– Ну какой может быть разговор?! Об этом даже речи не идет. Ведь мы на этом даже заработали кое-что. И между прочим, гораздо больше, чем изначально потратили. К тому же я выкорчевал пни, расчистил землю под новое поле. Это моя собственная земля, и теперь я могу засеять ее кукурузой и получить еще больший урожай. Теперь, когда у меня завелись наличные, я могу купить себе еще несколько голов скота. Так что прекрати нести весь этот вздор насчет того, что ты якобы ввела меня в убыток. И вообще, давай больше не будем вспоминать об этом. Мы нарушили закон, но никому от этого хуже не стало. Все закончилось благополучно, и в результате оба мы стали даже еще более счастливыми, чем могли бы быть, если бы никогда не встретились и не сделали бы того, что сделали.

– Тебе нравится Уош?

– Он достойный молодой человек.

– Ты приедешь навестить нас?

– В любое время. Если, конечно, пригласите.

– Пригласим обязательно. Потому что ты ему тоже очень понравился.

– Мне хочется, чтобы Джейн сейчас тоже была бы с нам.

– И мне тоже.

Мы подошли к окну хижины и позвали Джейн. Она быстро накинула на себя платье и присоединилась к нам, и лишь

теперь мы впервые осознали, что теперь, когда Белл умерла, а Моук возвратился в свою берлогу, ехать в Блаунт было больше незачем и некуда. И тогда мы решили, что Джейн переберется сюда и будет жить со мной, так что все устраивалось просто замечательно.

– Раз я теперь буду жить здесь, то Кейди сможет время от времени оставлять у нас Дэнни, когда она будет ездить в гости к своим богатым друзьям в Филадельфию. Я буду присматривать за ним, а ты сможешь научить его ездить верхом.

Это было сказано в шутку, но я не хотел, чтобы она там воспринимала мое предложение.

– Дэнни тут не при чем. Это ради тебя, Джейн. Для нас обоих. Нам будет хорошо вместе.

– Но ведь Дэнни тоже будет у нас гостить. Хотя бы иногда.

– Ну ладно, тогда договорились.

К тому времени Кейди уже еле сдерживала смех. Но потом она все же не выдержала, и все мы дружно рассмеялись. А потом пили кока-колу прямо из бутылок, и держались за руки.

– И все-таки у меня есть еще один повод для радости.

– Какой же, Кейди?

– То, что мне не придется выходить замуж в той церкви, где сегодня были похороны. Не хочу снова возвращаться туда. Для свадьбы я выбрала методистскую церковь в Карбон-Сити. Замечательное, красивое место. Здание из серого камня, с квадратной башенкой. Там мы и поженимся.

– Ну и правильно.

– И я уже заказала цветы.

– Какие же?

Джейн была так обрадована и взволнована тем, что нам доставят цветы из самого настоящего цветочного магазина, что у нее даже слезы навернулись на глаза. А когда Кейди начала рассказывать нам, как там расставят белые лилии и вообще, каким будет убранство, я тоже порадовался за нее, и мне показалось, что именно так и должно все быть, и что теперь, когда все невзгоды остались позади, все будет просто замечательно.

Глава 9

Я проснулся ни свет ни заря. Встал, накормил скотину, подоил коров, вычистил стойла, после чего облачился в свой лучший костюм, и мы сели завтракать. Затем прилег ненадолго отдохнуть, пока остальные занимались делами, потому что им нужно было собрать Дэнни и нарядиться самим. Потом к нашей хижине стали понемногу подтягиваться знакомые женщины, жившие выше и ниже по течению ручья, и каждой из них приходилось объяснять, что Уош отправится в город примерно около полудня в своей машине, и с ним поедут Кейди, Джейн и Дэнни, а я поеду сам по себе, на своем грузовичке, чтобы потом привезти Джейн обратно, в то время, как Кейди и Уош поедут вместе с Дэнни в гостиницу, чтобы переодеться и потом отправиться куда-нибудь в свадебное путешествие. Так что потом разговор сам собой зашел о цветах, которые должен был принести Уош. И хоть сам я всегда относился к цветам довольно равнодушно, но подумал, что ради такого особого случая, как свадьба Кейди, было бы неплохо вставить цветок в петлицу. К тому же я знал одно укромное местечко, находившееся ниже по ручью, где у самой опушки леса росли шикарные дикие розы, и решил без промедления отправиться туда. Но не успел я пройти всего нескольких шагов, как заметил на склоне горы какое-то движение. Для себя я уже давно и твердо решил все

отрицать: я не имею инкакого отношения к оставшемуся там, наверху мини-заводику по производству самогона, никогда в глаза его не видел и даже слыхом не слыхивал о чем-либо подобном. Однако, это моя версия. Возможно, шериф будет придерживаться иного мнения, исходя из того, что именно я живу ближе всех к тому месту. Или, может быть, я по рассеянности оставил там какую-либо улику и совершенно забыл об этом. Или, возможно, ему просто показалось подозрительным мое выражение лица. Как бы там ни было, а только я должен был непременно выяснить, кто это был, ибо вряд ли кто бы то ни было стал бы забираться в такую глушь просто так, от нечего делать.

По камням перейдя ручей и держась вплотную к подножию скалы, так, чтобы меня нельзя было заметить сверху, я выбрался, наконец на тропинку, что вела ко входу в тот самый штрек, куда мы перетаскивали весь свой скарб, поднимаемый нами сюда на веревках со стороны дороги. Примерно в сотне футов от входа стоял деревянный ящик, в котором я хранил запасные лампы, бутылки с водой, карбид, банки с консервированной фасолью и немного динамина, на тот случай, если в случае опасности мне пришлось бы заблокировать штрек и самому быстро уходить через шахту. Я не возвращался сюда с того самого дня, как в моем доме появилась Джейн с Дэнни, и уже ненавидел сам себя за то, что вообще позволил втянуть себя в этот подпольный бизнес. За время моего отсутствия оставленная в бочках брага стала та-

кой крепкой, что от ее запаха кружилась голова, а желудок просто-таки выворачивало наизнанку, а крысы, сбежавшиеся полакомиться нашим зерном, и теперь бросившиеся в рассыпную, едва не сбили меня с ног. В шахте крыс не убивают, потому что если чему-то суждено случиться, то он первым чувствуют опасность и тут же целыми полчищами бросаются к выходу, ища спасения, а за ними следуют и люди. Так что крысы по праву считаются лучшими друзьями шахтеров. И тем не менее они вызывали во мне не меньшее омерзение, чем тошнотворный запах браги.

С минуту я озирался по сторонам, но так и не заметил ничего подозрительного, после чего погасил лампу и начал было подниматься вверх по лесенке. Но затем спустился обратно и снял ботинки. Затем я снова начал восхождение, и, оказавшись на самом верху, осторожно выглянул из провала, не имея никакого представления о том, что меня может ожидать наверху, и опасаясь увидеть там помощника шерифа. Но это был не представитель закона. Это был Моук, и на коленях у него лежал тот самый винчестер, которым накануне грозил мне Эд Блу, прогнавший меня от церкви. Моук сидел на склоне, заняв такую позицию, откуда просматривался бы участок дороги, где она делала крутой поворот, и где мне по пути в город на свадьбу пришлось бы резко сбросить скорость и притормозить. Я затаил дыхание, потому что если бы он заметил меня, то тут же подскочил бы к провалу и пристрелил раньше, чем мне удалось бы слуститься обратно. И

в следующий момент сердце и вовсе перестало биться в моей груди, и я едва не свалился в шахту. Было жарко, и Моук снял свой джемпер, оставшись обнаженным до пояса. И тут мне стало ясно, почему Белл скандалила с ним из-за Дэнни, почему он попытался выкрасть малыша, почему ненавидел Уоша и так далее.

У его пупка темнела уже знакомая мне родинка, похожая на бабочку.

* * *

Когда я возвратился обратно в хижину, девушки стояли на дороге с Дэнни на руках, провожая женщину, что жила в поселке выше по ручью. На Джейн было платье, а весь наряд Кейди все еще состоял лишь из туфель, чулок, трусиков и голубого фартука в клеточку, который она накинула впопыхах, чтобы выйти из дома. Я ждал, пока болтливая гостья по имени Лайза Майнден вслух предавалась воспоминаниям, мечтательно рассказывая о том, что она была знакома со всем семейством Блаунт еще до того, как отец Уоша стал владельцем угольной шахты, и о том, какие это были хорошие люди, и что Кейди обязательно найдет с ними общий язык. Чем дольше она говорила, тем больше я зверел. Сняв винтовку со стены, я зарядил ее и выждал еще немного. Затем подошел к окну и вскнинул ее, направляя ствол в ее сторону. Мне хотелось выстрелить ей в самое сердце, этой маленькой потас-

кушке, что была готова лечь в постель со своим собственным отцом, если бы он ей это только позволил, что уже переспала с любовником собственной матери и теперь собиралась выйти замуж за парня, который имел к ее ребенку такое же отношение, как Папа Римский. Но уже держа ее на прицеле, я понял, что никогда не смогу спустить курок. Тогда я вышел на улицу, чтобы больше никогда ее не видеть, и пошел, не разбирая дороги, не чувствуя земли у себя под ногами.

* * *

– Джесс, да ты что, совсем спятил?

– Ничего подобного.

– Ведь родинки есть у всех.

– Уош, если бы дело было только в одной родинке, я бы, возможно, даже не заметил бы ее. Но все далеко не так просто. С тех самых пор, как Джейн примчалась сюда и нашла малыша в его хижине, я силился понять, зачем Моуку понадобилось его похищать. И тем же самым вопросом задавался и ты, и все остальные. С того самого вечера, как сюда приехала Белл, я силился понять, что ей здесь надо, а после того, как она попыталась зарезать Моука, я помимо всего прочего стал ломать голову над тем, зачем она это сделала. О том же самом думали и ты, и Джейн, и все остальные. Зато теперь все становится на свои места. Он похитил Дэнни, потому что Дэнни – его сын, и он понял это по той родинке, как догада-

лась об этом и Белл, и сама Кейди. Но Джейн отняла у него ребенка, а тут и Кейди подвернулась возможность выйти за тебя замуж, но для этого нужно было позаботиться о том, чтобы то, другое, обстоятельство никогда не выплыло бы наружу. Но Белл знала Моука лучше, чем кто бы то ни было. Она прекрасно понимала, что ему нельзя доверять, потому что рано или поздно он все равно проболтается. К тому же в любом случае дни ее были уже сочтены, и тогда она приехала сюда, чтобы остановить его. Это был единственный способ заставить его замолчать навсегда. И, черт возьми, что ты хочешь сказать тем, что у всех есть родинки? Как, по-твоему, ребенок и мужчина могут иметь такую необычную родинку и не быть при этом связаны между собой?

Он сидел на краешке кровати в своем гостиничном номере и был уже одет в костюм для церемонии. Не было лишь пиджака, который висел на спинке кресла с гвоздикой в петлице. В том же кресле стояли еще два ящика с цветами. Он закурил сигарету и сосредоточенно выкурил ее, не проронив при этом ни слова. А затем сказал:

– Нет, Джесс, этого просто не может быть. Во-первых, она не такая. И даже если бы она была девушкой такого поведения, то она не стала бы заниматься такими вещами с Моуком. Ведь он ей в отцы годится. Ему же почти столько же, сколько и тебе.

– Ему тридцать девять.

– Нет, она просто не могла этого сделать.

– Выходит, что могла.

– А я говорю, не могла.

Уош зло взглянул на меня, и уж не знаю, чего такого особенного в тот момент было в моем взгляде, но только, наверное, вид у меня был довольно красноречивый, потому что в следующий момент он привалился спиной к стене и просто-напал:

– О, Господи.

– Ты что, думаешь, я с тобой шучу?

Он закурил еще одну сигарету и после некоторого раздумья объявил:

– Джесс, тогда я пойду и убью его.

– А вот этого я тебе не позволю.

– А я у тебя и не спрошу.

– Во-первых, ты не знаешь, где его искать, а я тебе этого не скажу, и даже если бы ты знал, то все равно не смог бы добраться туда один, без провожатого. А к тому времени, как ты нашел бы себе проводника, то Моук уже был бы мертв, потому что я собираюсь убить его на обратном пути.

– Ведь она мать моего...

Он осекся и ошалело поглядел на меня, и мне показалось, что до него лишь теперь дошло истинное значение всего сказанного мною.

– Значит, ничего с этим поделать я все равно не могу, не так ли?

– Ничегошеньки.

– Единственное, что мне остается, так это...

– Убить ее, да?

Он не ответил. А просто подошел к окну и стал смотреть на улицу, но было видно по всему, что именно это он и хотел сказать.

– Что ж, Уош, я попытался было это сделать, но не смог.

– А я смог бы.

– А вот с ним все будет иначе.

Затем раздался звонок, и он пошел открывать. На пороге стояли его отец и мать. Его отец оказался высоким, седовласым человеком, с очень смуглым, словно опаленным солнцем лицом. А его мать была розовощекой и очень милостивой особой. Она расцеловалась с ним и тут же начала спрашивать: здесь ли невеста, и где малыш, и дальше в том же духе. Он представил меня родителям, и они оба поздоровались со мной за руку и сказали, что будут очень рады, если я смогу принять участие в свадебной церемонии.

– Мама, никакой свадьбы не будет.

– Что?

– Извините, что вам пришлось ехать в такую даль. Но мы сейчас же возвращаемся домой.

Глава 10

Я остановился, не доезжая до того рокового поворота, а затем спрятал свой грузовичок за старой бензоколонкой, взял из кабины винтовку и по остову старого моста перебрался через ручей. Оказавшись на другой стороне, я пробрался вдоль основания скалы, и оставшись незамеченным сверху, вышел наконец-таки на тропинку. Затем я начал бесшумно взбираться на склон. Оказавшись в штольне, открыл сундук для инструментов, заправил лампу, зажег ее и поставил на землю рядом с собой. Затем отрезал примерно шесть футов бикфордова шнура, свернул его и сунул в карман. Туда же я положил и коробку с запалами. В другой карман я засунул парочку шашех динамита. После чего отправился дальше. Подойдя к шахте, я выложил на стеллаж порох, шнур и запалы, рядом поставил свои ботинки и привязал их к стойке, чтобы не утащили крысы. Затем взял винтовку и начал взбираться вверх по лестнице. Выглянув из провала, я увидел, что он перебрался на другое место и теперь сидел примерно в шести футах от той позиции, на которой я застал его в прошлый раз. К тому же теперь он был в большей степени, чем прежде повернут в мою сторону, но так было даже лучше. Моук ел консервированную фасоль, выковыривая ее из банки при помощи ножа, и я подождал, пока он не закончит трапезу, а затем вскинул винтовку и прицелился точно

в «бабочку». Когда я спустил курок, он согнулся пополам, хватаясь руками за живот и задрывал ногами, словно кот, пытающийся стряхнуть с лап прилипшие бумажки. Дыхание его стало частым и прерывистым, словно у собаки в жару. Только причиной этого была вовсе не жара, а боль. Меня это вполне устраивало. Я вышел из своего укрытия, поднял с земли винтовку, которую он отложил на время еды, после чего сел напротив, наблюдая за тем, как он бьется в конвульсиях.

– Подлый ублюдок, сукин сын.

– Здравствуй, Моук.

– Черт возьми, Джесс, ты в своем репертуаре. Подстрелил меня в живот, чтобы потом уйти и бросить меня здесь одного подышать.

– Ну что ты, я вовсе не собираюсь бросать тебя здесь, если уж тебя это так беспокоит. Здесь полно стервятников, и мне вовсе не хочется, чтобы они кружили в небе над этим самым местом и наводили людей на всякие нехорошие мысли.

– Ты что, не мог попасть мне прямо в сердце?

– Я попал туда, куда целился.

– Черт возьми, что ты имеешь в виду?

– Однажды я уже дал тебе возможность уйти безнаказанным, ибо был убежден, что ни ты, ни та женщина не стоите того, чтобы рисковать из-за вас собственной шеей. Но на этот раз ты зашел слишком далеко. Так что теперь ты получишь свое сполна, и в будущем тебе уже будет неподавно

трахать мою дочь.

– Чего-чего?

– Что слышал.

– Ты что, шутишь?

– Я выстрелил по твоей «бабочке». Ведь у маленького Дэнни есть точно такая же, не так ли? Разве это не ты постарался на благо своей страны? Не ты ли состряпал маленького человечка с точно такой же родинкой, как и у тебя? Так что одно я тебе могу пообещать точно: ты больше не будешь трахать мою дочь, чтобы потом рассказывать всем об этом.

– У нас Кейди никогда ничего не было.

– С ней я еще разберусь, будь спокоен.

– А с Дэнни ты тоже разберешься?

– О нем я позабочусь.

– Тебе нравится Дэнни, не так ли?

– А вот это не твое дело, урод.

– Как бы не так. Да уж, ты разберешься с Кейди. Отстагаешь ее вожжами, выставишь из дома и будешь вести себя так, как и подобает богобоязненному ханже. Но вот Дэнни ты не оттолкнешь, нет. Наоборот, ты оставишь его у себя, и позволишь Джейн заботиться о нем, потому что ты от него без ума. Что бы там она не натворила, его ты будешь считать своим. Ведь Кейди всего навсего женщина, а с ними ты никогда не умел обращаться. А Дэнни, о да, я видел тебя с ним вчера, когда умирала Белл. Ты никогда не видел ничего прекрасней, не так ли? Он твой, вне зависимости от того, что

могла натворить Кейди. Он твой внук, не так ли? А теперь послушай, что я тебе скажу, ты, подлый и тупой сукин сын. Он не твой внук. А мой.

– Что ты сказал?

– Что же до «бабочки», то да, это родимое пятно нашей семьи. Но проявляется оно только у мужчин, понял? Если рождается девочка, то оно отсутствует, а потом уже от нее переходит к следующему мальчику. Так что, Джесс, он не твой внук, а мой!

Он приподнялся на локте, желая подобраться поближе ко мне, но тут же вскрикнул от боли и снова повалился на землю, держась обеими руками за живот и подтягивая коленки к подбородку.

– Черт побери, из меня лезет дерьмо!

– Что ты сказал?

– Позови доктору, из меня лезет дерьмо вместе с кровью!

– Да забудь ты про свое дерьмо! Говори!

Я встал и уже занес ногу, чтобы посильнее пнуть его в живот, но тут Моук начал орать еще громче и пообещал, что расскажет все, но сначала попросил дать ему попить, а то, видите ли, иначе он долго не протянет. Тогда я спустился вниз, зачерпнул ведром воды из родника, надел ботинки и вернулся обратно. Его лицо блестело от пота, когда я зачерпнул кружкой воды и протянул ему. Он взял кружку одной рукой, поднес ко рту, и тут его стошнило.

– У меня вся рука в дерьме, она воняет!

– Вот.

Я сам подержал ему кружку и подождал, пока он полоскал рот, а потом еще выпил залпом три или четыре кружки. Затем я плеснул водой ему на живот, чтобы смыть дерьмо, кровь и букашек, которые уже успели наползти в рану.

– А теперь, давай, выкладывай, все, как есть. Да поскорее.

– Я уже все тебе сказал.

– Что Дэнни твой внук?

– Ну да. Целых двадцать лет ни я, ни Белл, даже не догадывались о том, что Кейди – это наша дочь. А потом появилась Дэнни, и мы увидели «бабочку». И все поняли.

– Значит, Белл изменяла мне даже до отъезда.

– Если вспомнить, как ты с ней обращался, то почему бы и нет?

– Я любил ее. А чего еще ей было надо?

– Ну да, как же, ты ее любил. Вот если бы она ходила в церковь по три раза на дню, а потом еще молилась бы ночи напролет, а все остальное время не сводила бы глаз с твоей кислой рожи, то ты, наверное, и любил бы ее. Она же любила меня. Потому что ей нравилось хорошо провести время и повеселиться. А у меня было банджо.

– Еще бы, такой шик, не правда ли?

– Для Белл это много значило. Так что можешь не сомневаться, рога она тебе наставляла и не раз.

Он снова попросил пить, и я дал ему воды, после чего он принялся проклинать меня и начал поносить Кейди, обы-

вая ее самыми последними словами, какие только мог припомнить.

– Она ненавидела Дэнни. Она ненавидела его, потому что его отец бросил ее, а она была слишком гордой, чтобы смириться и безмолвно выносить это. А я его любил. – И затем, немного помолчав, добавил: – Белл очень боялась, что я могу проболтаться Кейди о том, чья она дочь, потому что тогда она возненавидела бы Белл. Поэтому в тот день, ближе к вечеру, Белл села в автобус и приехала сюда, чтобы убить меня. Если бы дело было утром, то она не стала бы этого делать. А ближе к вечеру у нее начинала подниматься температура. И она зверела. После того, как Белл заявила ко мне домой, и когда я понял, что жить ей осталось совсем немного, то решил дождаться, пока все закончится и затем рассказать все, как есть. И уже лишь ради этого стоило жить. Почему я должен молчать? И какое мне дело до чувства Кейди? Ей-то на меня всегда было наплевать. Но Белл знала, что делала. Уже перед самой своей смертью, после того, как вы все ушли и унесли Дэнни, она подозвала меня и заставила пообещать, что я никогда не расскажу Кейди об этом. И я дал ей слово. Мне пришлось наступить на горло собственной песне, отказаться от единственной радости в жизни, от своего самого заветного желания лишь ради того, чтобы успокоить умирающую женщину, ту женщину, что я любил больше жизни. И тогда я решил, что если уж я лишился всего, то и ты тоже должен потерять все. Потому что то, что по праву принад-

лежит мне, все равно никогда не принесло бы тебе счастья. Я взял винтовку у Эда Блу, чтобы убить тебя, Джесс. Единственное, о чем я жалею, так это что ты достал меня первым. Но все равно, видит Бог, я все же поквитаюсь с тобой и лишу тебя самого дорогого. С меня же никто не брал обещания не рассказывать тебе, так что знай же. В Дэнни нет ни капли крови Тайлеров, как тебе того очень хотелось бы. А теперь подойди сюда, ты вонючий ублюдок, я плюну в твою поганую рожу.

Я бросил джемпер ему на грудь, после чего скрестил его руки за спиной и крепко-накрепко связал их рукавами. А потом взялся за них, как за ручку, и поволок его по земле.

– Перестань! Мне больно!

– Ничего, переживешь.

– Куда ты тащишь меня?

– Увидишь.

Я притащил его к шахте, и когда до него, наконец, дошло, что я собираюсь сделать, он закричал от охватившего его ужаса. Я столкнул его вниз, и его вопли были отчетливо слышны, пока он летел до дна штольни, а затем послышался глухой удар, и все стихло. Следом я бросил винтовку Моука, и отступил на шаг назад, на тот случай, если она вдруг выстрелит. Когда же выстрела не последовало, я поднял с земли свою винтовку и спустился вниз. Он лежал на дне, неестественно скорчившись, рядом находилась сложенная из кирпичей печь для разогрева дистиллятора. Я потуже затянул на

нем узел джемпера, зажег лампу и поволок его глубь туннеля. Добравшись до первого из старых ходов, я принялся перетаскивать его через груды камней, недавно осыпавшихся с потолка. Задача оказалась не из легких, но в то же время мне было радостно сознавать, что Моук был мертв, что это я убил его, и что теперь я спрячу его туда, где его никто никогда не найдет, и вскоре даже никто не вспомнит о том, что он вообще когда-либо жил на этой грешной земле. Я отволол его по меньше мере за две сотни футов. Там находилась каменная чаша, на дне которой когда-то бил родник. В нее я и бросил Моука. Затем выбрался обратно в туннель, своды которого были укреплены бревенчатыми подпорками, вернулся в шахту, взял ведро, наскреб немного земли, развел ее водой, так чтобы получилась липкая грязь. Потом сунул в карман бикфордов шнур, запалы и динамит и отправился со всем этим обратно к выбоине. Первая каменная глыба свисала с потолка по другую сторону от родника, ближе к выработанной части шахты, так что я отрезал половину от шашки динамита и прилепил ее с помощью кома грязи к нависавшим камням, соединив с запалом и шестидюймовым отрезком бикфордова шнура. К глыбе же, находившейся между чашей родника и туннелем с бревенчатыми подпорками, я так же прикрепил динамит, но отрезок шнура оставил длиною в фут. Затем подошел к дальней глыбе, поджег короткий шнур, быстро перебежал ко второй закладке, также поджег бикфордов шнур, после чего свернул за угол, в туннель и

стал терпеливо ждать. Я специально рассчитал все так, чтобы заряды взорвались не одновременно, чтобы уж знать наверняка, что оба взрыва прогремели. Как и следовало ожидать, вскоре раздался первый взрыв. И тут внутри у меня все похолодело от ужаса. Я вдруг вспомнил о том, что забыл в шахте винтовку.

Я добежал до входа в шахту, схватил ее, и тут же бросился бежать обратно, передвигаясь боком, приставными шагами, словно краб, как это и полагается делать при прохождении туннелей с низкими сводами. Туннель быстро заполнялся дымом, но продолжал упрямо ползти, толкая перед собой винтовку. Прежде, чем мне удалось добраться до штрека с подпорками, сработал второй заряд. Ударной волной меня отбросило в сторону и больно шарахнуло обо что-то. Но все равно я был даже доволен, что мне пришлось совершить второй заход за винтовкой. Теперь я уже знал наверняка, что все в порядке, и волноваться больше не о чем. Взрывы обрушили каменные своды, надежно завалив туннель по обеим сторонам от того места, где я бросил труп Моука, так что теперь раскопать его не смог бы и отряд в сотню человек. Если, конечно, предположить, что кому-то вообще могла бы прийти в голову бредовая идея искать его именно здесь. Это было равнозначно тому, что спрятать мистера Моука Блу на дне морском, где никто и никогда в жизни его не найдет.

* * *

Спустившись к ручью, я вытащил из винтовки пустую гильзу, выбросил ее в вобу, после чего вставил новый патрон. Затем я срезал прут, содрал с него кору и принялся чистить ствол, прогнав через него кусочек своего носового платка, чтобы не осталось ни малейшего намека на то, что из этого оружия недавно стреляли. Управившись с делами, я поспешил вернуться к оставленному грузовичку, собираясь немедленно отправиться Блаунт, чтобы рассказать Уошу о том, что поведал мне Моук. Я уже вскочил в кабину и тронулся было в путь, когда до меня самого в полной мере дошло значение всего сказанного, если, конечно, этот недомежок говорил правду.

Она больше не была моей дочерью!

Глава 11

Я выключил фары, вернулся на старую бензоколонку и снова спрятал там свой грузовичок. Затем потихоньку прокрался в свои владения и первым делом заглянул в хлев и в стойло. Вся скотина была на месте, но вопреки моим ожиданиям она не редела от голода, а это значит, что животным был задан корм, а коровы вовремя подоены. Бесшумно ступая, я подкрался к дому и заглянул в гостиную. Никого. Тогда я через щелку заглянул в дальнюю комнату. Джейн была там, Дэнни сидел у нее на коленях, но вот Кейди нигде не было видно. Вскоре Дэнни начал плакать, и когда Джейн наклонилась над ним и начала его укачивать, я увидел, что она тоже плачет.

– Маленький мой, бедный мой мальчик, и никому-то ты не нужен! С самого твоего первого дня все только и делают, что обманывают тебя, бросают одного за ненадобностью. Не плачь, малыш. Не обращай на них внимания, мой маленький Дэнни. Я здесь, с тобой. И я никогда тебя не брошу и всегда буду любить тебя, что бы там ни вытворяла твоя мама, или папа, или Бог знает кто еще.

От этих слов у меня ком подступил к горлу, но я все же вернулся к совему грузовичку, сел за руль и поехал в город. Припарковав машину неподалеку от «Белой Лошади», я подошел к окну и заглянул во внутрь. Как я и предполагал, она

была там, танцевала с каким-то незнакомым мужиком и, судя по всему, была изрядно пьяна. Я вытер вспотевшие ладони о пиджак и перешагнул через порог. Не обращая на нее никакого внимания, я прошел в зал и расположился за свободным столиком. Ко мне подошел официант, я сделал заказ, и когда напиток был принесен, непринужденно отпил глоток. А вскоре почувствовал, что она стоит рядом со мной.

– Вот так встреча.

– О! Привет, Кейди.

– Джесс, что ты здесь делаешь?

– Просто зашел, чтобы выпить стаканчик кока-колы и чего-нибудь покрепче.

– С каких это пор ты начал пить?

– Иногда душа сама просит.

– И когда же, например?

– Например, когда ты собираешься выдавать дочку замуж и уже настраиваешься на свадьбу, а она, никому ничего не объясняя, вдруг сбегает от алтаря, после чего, ты как дурак торчишь в церкви. Просто чувствуешь себя последним идиотом. Так что после такого приключения и выпить не грех.

– Ты был в церкви?

– Слушай, если ты раздумала выходить замуж, то могла бы хотя бы мне об этом сказать?

– Я не раздумала.

– Ладно, значит, вы поженились где-то в другом месте.

– А я что, произвожу впечатление замужней женщины?

Тут я решил прекратить это бессмысленное препирательство и впервые за все время взглянул на нее. А потом усадил ее за столик напротив себя и заказал для нее выпивку.

– Кейди, так или иначе наши жизненные пути пересеклись. Я целый день не находил себе места от осознания того, что ты вот так просто уедешь и бросишь меня после того, что мы вместе пережили. Но если ты не вышла замуж, то это все равно никак не укладывается у меня в голове. Так что же случилось?

– Давай прежде выясним, что случилось с тобой.

– Со мной? Ничего.

– Ты должен был ехать в город следом за нами на грузовике, а вместо этого ты просто куда-то исчез, и я не могу отделаться от мысли о том, что ты имеешь какое-то отношение к тому, что со мной произошло.

– Разве ты не видела, как я подал вам знак?

– Я ничего не видела.

– Мне нужен был цветок, чтобы вставить в петлицу, и я пошел за ним в лес, что за ручьем. По дороге я поскользнулся и испачкал ботинок в грязи. В любое другое время я бы просто вытер его о траву, но ведь я собирался к тебе на свадьбу, так что без гуталина было никак не обойтись. Но на подходе к дому, я заметил Лайзу Майнден и понял, что если она увидит меня, мы еще долго не сможем ее спровадить, так что я зашел в хижину, встал у окна, так что она оказалась спиной ко мне, а ты, наоборот, лицом, и жестами постарался

показать тебе, что поеду в город сейчас же, а не потом.

– Если ты и подавал мне какие-то знаки, я этого не заметила.

– Но ты же смотрела прямо на меня и кивнула.

– А зачем ты брал с собой винтовку?

– Просто на всякий случай.

– На какой еще случай?

– Всякое могло случиться. Откуда мне знать, что еще они могли попытаться устроить после вчерашних похорон? К тому же винтовка в кабине места занимает мало, но с ней все же чувствуешь себя как-то спокойнее. Кстати, она все еще лежит там.

– ... Ты встречался с Уошем?

– Я же тебе говорю. Я поехал, чтобы как следует начистить ботинки, а там рядом оказалась еще и парикмахерская. Так что я заодно и постричься успел. И все это было где-то около часа дня. Время поджимало, поэтому из парикмахерской я отправился прямиком в церковь, чтобы дождаться там вас с Уошем и Джейн. Там никого не было, но я не придал этому особого значения, сел и стал ждать. Волноваться я начал много позднее. В конце концов терпение мое лопнуло, и я отправился к нему в гостиницу, чтобы узнать, в чем дело.

– Когда это было?

– В районе двух часов.

– И что тебе там сказали?

– Что он уехал. И с ним вместе была почтенная леди и

пожилой джентльмен.

По ее лицу было видно, что вместо того, чтобы усомниться в правдивости моей дурацкой истории, она, наоборот, безоговорочно верит всему, что я говорю. Затем я замолчал и снова заговорил с ней лишь после того, как она сама первой заговорила со мной. Я очень боялся переиграть.

– Ты решил, что я хотела обмануть тебя?

– Просто подумал, что, может быть, ты стесняешься меня.

– Это все его мать и отец.

– Я просто не знал, что и думать.

– Он просто не пришел.

– Почему?

– А я знаю?

– Что, просто вот так взял и не пришел?

– Я знаю, что случилось. Ну конечно же. Они просто посоветались напоследок, его отец и мать, эта его старая мымра, и снова передумали.

– А у него что, нет своей головы на плечах?

– Он боготворит свою мамашу.

* * *

Мы выпили, потом пропустили еще пару стаканчиков, и она сидела напротив меня, печально улыбаясь и разглядывая дно своего стакана.

– Веселая все-таки штука жизнь, правда, Джесс?

- Ну да, тебе сейчас особенно весело.
- А разве хоть одну сволочь это волнует?
- Мне не нравится, когда ты ругаешься.
- Ладно, пойдем потанцуем.
- Я не умею танцевать.
- А я тебя научу.

Но долго учить ей меня не пришлось. Это оказалось совсем просто: нужно было лишь стоять обнявшись посреди зала и топтаться под музыку. Ее губы горели, затем щеки тоже зарделись ярким румянцем, словно у нее был жар. Я потихоньку вел ее, пока, мы, наконец не оказались у боковой двери, а затем просто приподнял ее, пенеося через порог, и через мгновение мы уже танцевали на парковке, уже не прижимаясь друг к другу целомудренно щеками, а сливаясь в страстном поцелуе.

* * *

- Джесс, пойдем в гостиницу.
- Нет, мне страшно.
- Чего ты боишься?
- Для этого мы должны быть мужем и женой.
- Ну и что? Ты что, стыдишься меня.
- Я слышал, что в некоторых случаях, например, если мужчина намного старше девушки, там просят предъявить брачное свидетельство. А его-то у нас и нет.

– Смышной ты все-таки парень, Джесс.

– Чего же во мне такого смешного?

– Ты как был благочестивым ханжой, уверенным в том, что мы пришли в этот мир исключительно ради того, чтобы страдать, так им и остался. Ты просто научился умело делать вил, что ты не такой.

– Нет, я на самом деле изменился.

– Ну, вообще-то, поцелуи твои стали совсем другими.

– Да я и сам уже не тот, что прежде. Честное слово.

– И это единственное, чего ты боишься?

– Наверное, и в правду глупо.

– Ну и что же нам теперь делать? Как решить эту проблему?

– Мы могли бы пожениться.

Она издала восторженный возглас и захохотала так громко, что мне показалось, что она вот-вот упадет и начнет кататься по земле, и мне придется нести ее до грузовика на руках.

– Джесс, тебе следовало бы почаще прикладываться к рюмке, а то, видать, у тебя с непривычки совсем уже крыша поехала. Мы с тобой не можем пожениться, разве ты этого не знаешь?

– А почему? Можно было бы сказать, что мы не родственники.

– Нет, здесь этот номер не прошел бы. Меня тут все знают, ведь я подавала выпивку в этой забегаловке. А ты засветился

в суде, и все тарасили на тебя глаза, особенно репортеры.

– Хорошо, тогда поехали в Гилрой.

– А разве там не задают вопросов типа того, кто твои отец и мать, откуда ты родом и тому подобное? Что я им скажу?

– ... Ну а как насчет Моука?

– Что?

Она даже протрезвела от неожиданности и уставилась на меня немигающим взглядом. Мне показалось, что ее глаза светятся в темноте, как у кошки.

– Послушай, Джесс, я, конечно, готова совершить любую глупость, лишь бы только удержать тебя рядом с тобой, потому что считаю тебя очень привлекательным мужчиной. Но только больше никогда не проси меня о чем-либо подобном, и даже думать об этом не смей. Понял? Мне было необыкновенно тяжело видеть его рядом с моей собственной матерью, но даже на минуту представить, пусть даже на словах, что я сама могла оказаться частью его... нет, это превыше моих сил. Так что гляди, я тебя предупредила. Тебе все ясно?

– Ясно.

– Ну, о чем задумался?

– Ни о чем.

– Ты меня хочешь?

– Ты сводишь меня с ума.

– И если я поеду с тобой, и мы предстанем перед священником, то ты возьмешь меня в жены и не будешь больше вести дурацкие душеспасительные беседы и дрожать от страха,

что Бог покарает тебя за это?

– Не буду.

– Тогда может быть мне просто придумать несколько имен, и дело с концом?

Наши губы снова слились в жарком поцелуе, и мне показалось, что сердце мое вот-вот выскочит у меня из груди от осознания того, что больше мне уже не придется отвергать ее, и что она наконец-то станет моей.

Глава 12

Мы провели два незабываемых дня в маленькой гостинице в Гилрое, и все это время я не переставал думать о том, что мы будем говорить в свое оправдание, когда вернемся домой. Ей, похоже, тоже не давал покоя тот же вопрос, потому что на обратном пути она сказала:

– Джесс, мы сохраним это в тайне.

– Ты имеешь в виду, то что мы поженились?

– Да ладно тебе, мы просто выпили и решили пошутить, а чего не сделаешь по пьяному-то делу? По крайней мере, такое объяснение можно будет дать судье, если до того когда-либо дойдет. Может быть, он нам и поверит. Но вот Джейн... Я даже не знаю, как ей это все преподнести. И к тому же я очень люблю ее.

– Но мы хоть будем встречаться?

– Мне нужно подумать об этом.

– Но я не могу без тебя.

– Посмотрим.

Когда мы, наконец, добрались домой, я сделал вид, что все это время был занят поисками Кейди, а Джейн, увидев сестру, так обрадовалась, что не обратила внимания на двусмысленность подобной ситуации. Она поцеловала и меня, потому что мое возвращение ее тоже, конечно, не могло не радовать, и все же все ее внимание было обращено на Кейди. Ей

хотелось, чтобы Кейди была довольна тем, как она присматривала за Дэнни, и она взяла малыша на руки, и принялась разговаривать с ним, и слушала, как тот старательно выговаривал новые слова, которые ему удалось выучить, хотя лично я так и не смог разобрать ничего из его лепета. Но когда той ночью, управившись со всей работой по хозяйству, которую за те два дня, что меня не было дома, была вынуждена выполнять Джейн, я растянулся на своей койке, что стояла в сарае, дверь открылась, и на пороге появилась Кейди в ночной рубашке.

– Джесс?

– Входи, Кейди.

– Мне что-то не спится...

Я откинул край одеяла, жестом предлагая ей лечь рядом, но она лишь покачала головой и присела на краешек кровати, устремив задумчивый взгляд в окно поверх моей головы. Молчание затягивалось, но вот она сказала:

– Джесс, что мне теперь делать с Дэнни?

– Съешь его. Он такой сладкий...

– Я не хочу быть рядом с ним.

– Ты должна сама принять решение.

– Теперь все совсем по-другому. Тогда я его ненавидела.

Но теперь я вижу, какой он хорошенький и понимаю, почему вы с Джейн в нем души не чаете, и... и почему я сама испытывала к нему те же чувства. Какое-то время. Но теперь... Я не могу. Это сильнее меня. Всякий раз, когда я смотрю на

него, у меня перед глазами стоит лицо Уоша, и я не могу забыть о том, как Уош обошелся со мной. Я не хочу, чтобы он был рядом.

– Но ведь он не Уош.

– Я знаю. И мне очень стыдно.

– Это же просто хорошенький и веселый малыш, который все время смеется и тянется ручонками к твоему лицу и сучит ножками. Ты должна благодарить судьбе за то, что у тебя растет такой славный сынишка.

– Должна, но не могу.

И тогда, собрав волю в кулак, она спрятала поглубже свои чувства. Она играла с малышом, помогала Джейн заботиться о нем. И пила. Джейн она говорила, что это просто кока-кола, но всякий раз старалась улучшить момент, чтобы плеснуть в нее нашей самодельной выпивки, что была надежно припрятана в укромных уголках по всему дому, и в такие моменты у нее появлялся столь порочный блеск в глазах, что я просто-таки изнемогал от желания обладать ею. Теперь уже каждую ночь она украдкой сбегала из хижины и пробиралась ко мне в сарай, принося с собой выпивку. Мы пили вместе, после чего страстно отдавались друг другу. Но, обнаружив отсутствие сестры, Джейн всякий раз начинала беспокоиться и отправлялась ее искать, и однажды даже едва не застала нас врасплох. А это означала, что нам было необходимо что-то придумать.

– Джесс, нам нужно подыскать какое-нибудь укромное

местечко, где нас никто не будет беспокоить.

– Да, но где?

– А про нашу шахту ты забыл?

После того, что я сделал с Моуком, мне меньше всего на свете хотелось снова оказаться в той шахте.

– Я думал, что мы завязали с тем промыслом.

– Причем тут наш промысел? Ведь мы не будем больше включать агрегат.

– Но все равно все причиндалы остались там.

– Ладно, больше их там не будет. Я могу убрать все оттуда, если уж тебя это так волнует. Но это будет нашей тайной. Как мы и говорили. Там, наверху, можно будет творить все, что угодно, и ни одна живая душа об этом никогда не узнает.

– Это ты так говорила.

– А ты так думал.

После этого разговора она частенько забирала грузовик и делала вид, что отправляется за покупками в Карбон-Сити. Возможно, в городе она и в самом деле бывала, этого я не знаю, но однажды в одну из таких ее отлучек я пошел прогуляться по окрестностям и обнаружил грузовичок припаркованным в укромном месте у подножия горы, что могло означать лишь то, что она отправилась наверх. И вот однажды Кейди подошла к нам с Джейн как раз в тот момент, когда мы пытались накормить обедом маленького Дэнни, держа в руке объемистую корзинку.

– Джесс, ты не сможешь мне донести корзину? Я хочу

собрать в лесу немного винограда для варенья.

– А сама что, не справишься?

– Вообще-то, виноград собирают двумя руками.

– Никогда не обращал внимания.

– Сначала нужно развинуть листья, потом приподнять прикрывающую ягоды лозу, а уже затем срезать гроздь ножом, а не рвать руками, чтобы не подавить ягоды. К тому же не хочется идти одной. На сбор дикого винограда уходит много времени.

– Джесс, ты иди с ней.

И мы пошли, удаляясь в горы по уже хорошо знакомой нам старой тропе. Она шла немножко впереди и даже пыталась что-то тихонько напевать. Добравшись до входа в штрек, она было прошла мимо, но затем остановилась.

– Хочешь посмотреть, какое гнездышко я тут устроила для нас?

– Может быть, как-нибудь в другой раз.

– В другой раз? Ты в этом уверен?

Она томно глядела на меня из-под опущенных век, и не могу сказать, что доставляло мне больше страданий: то, что внутри у меня все замирало из-за Моука, или то, как сильно билось мое сердце из-за нее.

– Это займет всего лишь минутку. Идем.

Мы вошли, достали из сундука лампы и дошли до того места, где я похоронил Моука.

– Раньше здесь начинался старый туннель, но теперь про-

ходивший через него штрек завален камнями, так что получился даже очень уютный уголок, где можно спокойно посидеть и хорошо провести время.

У входа в туннель она развесила несколько домотканых ковриков, что можно купить по дороге в город, и устроила нечто вроде лежанки.

– Но лампам здесь не место. Согласись, для таких романтических людей, как мы с тобой, это было бы слишком банально.

Рядом с лежанкой стоял оцинкованный бак, использовавшийся нами прежде для воды. В его дне были проделаны отверстия, к одному из которых она поднесла лампу. Внутри бака что-то загорелось, и я увидел, что он был до половины заполнен древесным углем.

– А под старую добрую выпивку собственного приготовления с кока-колой, наверное, не грех и съесть чего-нибудь.

Она приподняла крышку корзинки, и внутри оказалась уже ощипанная и выпотрошенная курица. К тому моменту я уже не согласился бы ни за что на свете уйти отсюда, даже если бы мертвый Моук вылез из завала и накинулся бы на меня, так что в то время как она отправилась на склон, чтобы быстро набрать сколько-нибудь винограда, я двинулся к входу в шахту, где у нас в проточной родниковой воде всегда находилось несколько бутылок с холодной кока-колой и самодельным виски. Я так дрожал, что даже не заметил, что запах улетучился, так как она вылила брагу и аккурат-

но разложила всю утварь. Я вернулся обратно с бутылками и направился к сундуку, чтобы взять оттуда железный щуп, на который, как на вертел, и насадил тушку курицу, предварительно прокалив его на огне. Мясо было уже готово, и я изо всех сил старался не думать о ней, когда внезапно раздавшаяся музыка заставила меня вздрогнуть от неожиданности.

Это было радио. Она вошла, покачивая бедрами, пристально глядя на меня, и на ее лице играли отблески кроваво-красного пламени. Однако, закончить этот танец ей так и не довелось.

Глава 13

Как-то утром пару месяцев спустя в дверь моей хижины постучали, и открыв, я с удивлением обнаружил, что это был никто иной, как Эд Блу собственной персоной. Он хотел узнать, не видел ли я, случайно, его винтовки. Моя собственная винтовка висела тут же на стене, и после всего случившегося я, ясное дело, имел полное моральное право прогнать его взащей, наказав держаться подальше от моего дома и пригрозив в противном случае пристрелить его на месте. Однако, мне было интересно посмотреть, что он замышляет. Потому что я прекрасно знал, где его винтовка. Как впрочем и то, почему он до сих пор не получил ее обратно. Их отношения с Моуком были таковы, что Моук никогда не взял бы его винтовку без его ведома. А принимая во внимание наши с Моуком взаимоотношения, Эд наверняка если не знал, то мог хотя бы догадываться, для чего Моуку могло понадобиться оружие, даже если сам Моук и не считал нужным посвящать его в свои планы, что, вообще-то, совсем на Моука не похоже. Так что когда он лишь начал этот разговор, я подумал, что винтовка это лишь предлог, а на самом деле его интересует Моук. Но затем я понял, что его действительно беспокоит лишь пропажа винтовки, так как, по всей видимости, мысли о ней не давали ему покоя с момента исчезновения Моука, и в конце концов он пришел к следующему

неутешительному для себя выводу: Моук не убил меня, значит, с оружием что-то случилось. Насколько он мог судить, я Моука тоже не убивал, так что же могло случиться? Должно быть, он решил для себя, что я встретил Моука и прогнал его из этих мест. Но в таком случае я наверняка не оставил бы Моука при оружии. Так почему бы не наведаться ко мне с распросами, а заодно и взглянуть мне в глаза?

От меня он так ничего и не добился и ушел, сокрушенно качая головой и разглагольствуя о том, что сам он человек миролюбивый, и как было бы ужасно, если бы вдруг кого-то застрелили из принадлежащей ему винтовки, и что остается лишь уповать на то, что этого не случится, и он по чужой вине не попадет в тюрьму. Кому и какой резон может быть в том, если его все-таки посадят в тюрьму, он так и не уточнил. Но дня через два, в один из вечеров, девчонки отправились в кино, забрав с собой Дэнни, а я пошел прогуляться вдоль ручья, чтобы привести мысли в порядок и подумать о своей жизни, если это вообще можно было назвать жизнью. Отойдя на довольно приличное расстояние, я повернул обратно, но выйдя на дорогу, заметил, что в хижине горит свет. Потихоньку подобравшись к дому, я застал Эда, который расхаживал по гостиной с керосиновой лампой в руках и заглядывал во все углы. Закончив обыск в большой комнате, он направился к дальнюю комнату, направляя свет лампы на развешанные там платья девушек и даже заглянув под кровать. Я дождался, пока он выйдет в пристройку, после чего на цы-

почках прокрался в дом, достал из кобуры свой револьвер и, стоя на пороге гостиной, направил его в спину Эда.

– Руки вверх, Эд.

Он был без оружия, и поэтому даже не оборачиваясь, покорно поднял руки над головой. Я подошел и забрал у него лампу, чтобы он не спалил мне дом.

– А теперь, вислоухий ублюдок, говори, какого черта ты сюда приперся и по какому праву забрался ко мне в дом?

– Джесс, я просто ищу свою винтовку.

– По-твоему, я ворую винтовки?

– Нет... нет, Джесс, я ничего такого не думаю. Просто после того случая, после того, что Моук заставил меня сделать на похоронах, я подумал, что, может быть, ты пришел и забрал ее. На всякий случай, что обезопасить себя. Вот и все, Богом клянусь.

– Я ничего у тебя не брал. Ясно тебе?

– Ясно, Джесс. Ясно.

– Между прочим, я вполне мог бы пристрелить тебя сейчас, и мне за это ничего не было бы. А потом сказал бы, что в мой дом забрался какой-то человек, и я выстрелил в него, потому что испугался, что он хотел убить меня, и суд меня оправдал бы. Это-то ты хоть понимаешь?

– Конечно, Джесс, я все понимаю.

– Ну, предположим, я тебя сейчас отпущу. Что тогда?

– Джесс, проси все, что пожелаешь. Я согласен на все.

– Тогда кончай шляться здесь и совать нос в чужие дела.

Я ни словом не обмолвился ей об этом происшествии. Я никогда не заводил речи о том, что так или иначе имело отношение к Моуку. Но случившееся заставило меня изрядно понервничать. Разумеется, она считала, что я нервничаю из-за нее, и это очень льстило ее самолюбию. Она смеялась надо мной, садилась ко мне на колени, щипала за подбородок и просила не быть таким мрачным. И вот однажды мы в очередной раз уединились в своей заветной пещере, завесив проем, ведущий в штрек с бревенчатыми опорами ковром, и наслаждались выпивкой и скромным угощением, захваченным ею из дома. Тихо играла музыка, и она танцевала передо мной совершенно обнаженная. Но тут из-за занавеса послышалось нечто такое, что ухо шахтера не перепутает ни с чем. Это было шипение, исходящее от карбидной лампы, когда пламя загашено, но вода все еще продолжает выделять газ.

Я жестом велел ей продолжать танец, а сам, сделав резкий выпад, бросился на ковер. Там что-то упало, но вместе с тем упал и сам ковер, накрывший собой жаровню, отчего в пещере воцарилась непроглядная темнота. Я ударил наугад, и мой кулак достиг цели. Я ударил снова, и тут же получил ответный удар в челюсть. Я снова ринулся в бой, но успел ухватить лишь клочок рубахи, тут же выскользнувший из моих пальцев. Послышались шаркающие шаги, торопливо уда-

лявшиея вдоль рельсов. Затем она вскрикнула, и внезапно пещера оказалась озарена светом костра: видимо, она попыталась убрать покрывало с жаровни, и раскаленные угли разлетелись по полу, так что загорелось и само покрывало, и ее одежда, которую она небрежно бросила на лежанку. Мы загасили пламя водой, и пещера наполнилась клубами пара.

– Джесс, кто это был?

– Не знаю...

– Что им было нужно?

– Понятия не имею.

– Как ты думаешь, они видели что-нибудь?

– Этого я тоже сказать не могу.

Но в глубине души я знал, что это был никто иной, как Эд Блу, все еще рыскавший по окрестностям в поисках своей винтовки. И вот на следующее утро, когда я резал на заднем дворе яблоки для пресса, чтобы отжать сок для приготовления сидра, Джейн выскочила из дома и, подбежав к большому дереву, что росло по другую сторону от хлева, поймала прятавшегося там мальчишку и отхлестала его по лицу. По возвращении назад она была очень бледна. Еще никогда в жизни я не видел ее такой взволнованной.

– И как ему только в голову могло прийти говорить такие вещи!

– Что он тебе сказал?

– Не мне. Кейди. Обозвал ее папашиной любовницей.

Кейди вышла из дома и молча слушала наш разговор, из-

бегая встречаться взглядом с ней или со мной. Все утро был слышен лишь голос Джейн, громко негодовавшей по поводу услышанного; возможно, Кейди тоже что-то говорила, но я этого не слышал. Затем, ближе к вечеру, она подошла ко мне, застав меня как раз в тот момент, когда я закручивал винт пресса.

– Джесс, я уезжаю.

– Ты... что?

– Уезжаю. Может быть, в Вашингтон. Короче, все равно куда, лишь бы подальше отсюда.

– Ты хочешь бросить меня?

– Да, я уезжаю от тебя, и забираю с собой Джейн и Дэнни.

– Но почему?

– Ты слышал, что случилось сегодня утром, и видел, как на это среагировала Джейн. Я так больше не могу. Может быть, Джесс, я и попаду прямиком в ад, но только я ни за что не допущу, чтобы она все узнала. А если она задержится на этом ручье хотя бы еще на день, то так оно и будет. Кто-то видел нас и не намерен держать это в тайне.

– А может быть, я тебя никуда не отпущу.

– Я не спрашиваю у тебя разрешения.

– Ты, наверное, забыла, что теперь ты моя жена.

– Ради Бога, Джесс, перестань дурить.

Я спустился вниз, твердо намереваясь рассказать ей всю правду, но взгляд ее прищуренных глаз был холоден. И мне стало ясно, что никакого проку от моих откровений не будет

никому. Она все равно не поверит, а никаких доказательств у меня все равно не было.

– Мы уезжаем сегодня же.

– К чему такая спешка?

– Нам нужно успеть на автобус, отправляющийся из Карбон-Сити в шесть часов, так что я была бы тебе очень благодарна, если бы ты подвез нас до города.

– Ладно, как скажешь.

Джейн подошла ко мне перед самым отъездом. Она не имела ни малейшего представления о том, что происходит, но была очень расстроена тем, что приходится уезжать от меня и пыталась выразить словами глубину своих чувств ко мне. Мне тоже было грустно, и я пытался придумать какой-либо выход из сложившегося положения, позволивший бы мне продолжать отношения с Кейди, но при этом устроить все так, чтобы не вызвать подозрений у Джейн. И тогда я сказал, что, возможно, продам дом и тоже переберусь на восток, и тогда она обняла меня руками за шею и радостно одобрила эту идею. Не знаю, доставил бы я их в тот день вовремя в город или нет, ибо по пути туда можно было бы имитировать поломку машины и таким образом отодвинуть решение вопроса еще на одну ночь, и за это время, возможно, и сумел бы что-нибудь придумать. Но когда мы еще проезжали пл грунтовой дороге, проложенной по берегу ручья, нам навстречу выехала другая машина. В ней сидело двое мужчин, и завидев нас, один из них поднял руку, приказывая мне

остановиться.

– Вы Джесс Тайлер?

– А кого это интересует?

– Помощника шерифа.

Он показал мне свою бляху, и я сказал, что не собираюсь называть своего имени, и если уж его это так интересует, то пусть выясняет каким-либо иным способом.

– Что ж, мистер Тайлер, полагаю, установить вашу личность мне не составит особого труда. Мне было достаточно лишь один раз взглянуть на вас, чтобы вспомнить, как однажды мне уже пришлось составлять на вас бумаги. В тот раз вы едва не убили человека. Помните?

– Что вам надо?

– Вручить ордер на ваш арест?

– За что?

– Здесь написано, по обвинению в инцесте.

– Это ложь.

– Если это и ложь, то вам нужно всего лишь проехать с нами и доказать это в суде. А это ваша дочь Кейди?

– Я же сказал, выясняйте сами.

– Мисс Тайлер, вас я тоже запомнил, и у меня имеется судебное предписание задержать вас в качестве свидетеля. Итак, как мы поступим с грузовиком? Мистер Тайлер, вы предпочитаете, чтобы я сам доставил вас в Карбон-Сити на вашем же грузовике, или же вы и ваши дочери пересядете в машину к другому помощнику шерифа, а я сяду за руль

вашего грузовика, или же у вас есть какие-либо иные соображения на сей счет?

– Грузовик поведет моя другая дочь.

– Что ж, тогда решено.

Мы с Кейди вышли из кабины грузовичка и пересели в другую машину, так и не сказав ни слова Джейн. Но краем глаза я видел, как она неподвижно сидит в залитой солнцем кабине с ребенком на коленях, пристально глядя на нас.

Глава 14

Когда помощник шерифа доставил меня в суд, Джейн уже дожидалась меня там вместе с Дэнни, которого она усадила себе на плечо и изо всех пыталась успокоить. Малыш плакал, потому что ему уже давно пора было спать. Здесь же находилась и целая толпа совершенно незнакомых мне людей, так как в семичасовом выпуске новостей местного радио уже успели объявить о момем аресте, и теперь добрая половина города сбежалась в суд на слушание. Судья меня еще не вызвал, и в то время, как я стоял в коридоре вместе с помощником шерифа, ко мне подошла Джейн.

– Джесс, и как ты только мог так с ней обойтись?

Помощник шерифа бесцеремонно перебил ее, напомнив, что все сказанное может быть использовать против меня в суде, но она не обратила на него ни малейшего внимания.

– Ты же знал, как нелегко ей было, как она страдала, когда Уош просто взял и бросил ее. Ты знал, что она пристрастилась к выпивке. Ты знал, что она была не в себе, что она в тот момент была попросту готова на все. И ты бессовестно воспользовался ее бедственным положением.

– Ты в этом так уверена?

– Если бы это было не так, неужели она не рассказала бы мне? Она никогда не обманывала меня. А если она прячет глаза и молчит, то значит, все, что они здесь говорят, чистая

правда.

– Возможно, все было совсем не так.

Тут женщина-надсмотрщица привела Кейди, и, оставив меня, Джейн поспешно направилась к ней. А минуту или две спустя в здании суда появился Эд Блу в сопровождении всех обитателей Тюлипа, и только тогда я начал понимать, какое испытание мне предстоит.

* * *

Слушание вел все тот же пожилой судья. Когда мы выстроились в шеренгу перед его столом, он, обведя пристальным взглядом нашу процессию, начал задавать общие вопросы помощнику шерифа, уточнив у него, есть ли у меня у меня адвокат и тому подобное, и при этом так брезгливо глядя на меня, словно я был омерзительной бородавчатой жабой. Затем он обратился ко мне:

– Джесс Тайлер, вы предстаете перед судом по обвинению в инцесте, коим является ваше сожительство со своей дочерью Кейди Тайлер. Также в вину вам также вменяется растление несовершеннолетней Кейди Тайлер. Так что вы имеете сказать в свое оправдание?

– Какое еще оправдание?

– Вы должны признать себя виновным или же заявить о своей невенности. Если вы признаете свое вину, то мне придется назначить сумму залога, и до его уплаты задер-

жать вас на срок, установленным решение выездной сессией окружного суда. Если же вы не признаете свою вину или же отказываетесь от дачи показаний на этом слушании, на что у вас есть полное право, я должен будут выслушать свидетельства против вас, и если они окажутся достаточными и подкрепленными соответствующими доказательствами, вынести ваше дело на суд присяжных, назначить залог, и до его уплаты передать вас на попечение шерифа.

– А что будет с ней?

– Вашу дочь никто не обвиняет.

– И тем не менее, ее арестовали вместе со мной.

– Она задержана в качестве свидетеля с правом внесения залога.

– Значит, если я признаю себя виновным, вы возьмете меня под стражу, то свидетель вам не понадобится, и она сможет отправиться домой? Я не стану делать никаких заявлений, пока не буду знать это наверняка.

– Господин прокурор?

Тут подал голос молодой человек, стоявший рядом с Эдом Блу. Он сказал:

– Ваша честь, единственное обвинение против этой молодой особы содержится в жалобе, поданной шерифу, и сводится к недостойному обнажению, но в связи с тем, что данный акт имел место не на публике и не повлек за собой нарушение общественного порядка, я, соответственно, аннулирую данное обвинение. В остальном же, при отсутствии иных, не

известных мне обстоятельств, если этот человек желает сэкономить деньги налогоплательщиков и хочет избежать дальнейшего судебного разбирательства и публичного скандала, он вполне прав. В случае, если он признает себя виновным, мне не понадобится свидетель, и хоть нельзя исключить возможность, что суд высшей инстанции пожелает допросить ее перед окончательным вынесением приговора, я на данном этапе не стану настаивать на назначении залога. Так же хочу заметить, про при рассмотрении дел подобного рода и отсутствии отягощающих обстоятельств мы редко просим о заключении в исправительное учреждение или о применении иного наказания, если речь идет о молодой девушке, являющейся матерью малолетнего ребенка. Ну что, Тайлер, вас удовлетворяет такой ответ?

– Я признаю себя виновным.

– В таком случае я назначаю залог в сумме пяти тысяч долларов. Вы готовы заплатить его до конца сегодняшнего дня?

– Нет, сэр, у меня нет таких денег.

– Тогда отведите его в тюрьму. Введите следующего обвиняемого.

* * *

Следующим обвиняемым оказался темнокожий парень, арестованный за кражу автомобильной шины. Он сидел на

скамейке в первом ряду в компании помощника шерифа. Я вместе со своим провожатым уже направился было к двери, но услышал, как судья приказывает кому-то отойти, и оглянувшись, увидел, что Кейди все еще стояла перед ним. И затем она вдруг решительно вскинула голову и, глядя судье в глаза, твердо заявила:

- Он ни в чем не виноват.
- Но ваш отец сам признал себя виновным.
- Вы хотите сказать, мой муж.
- Что?
- Мы поженились.
- Офицер, верните этого человека.

* * *

Прокурор, производивший до этого впечатление приятного молодого человека, в один миг превратился в кровожадного волка. В течение целого часа он задавал ей вопрос за вопросом, пока, наконец, не выяснил в мельчайших подробностях, как мы с ней тем вечером отправились в Гилрой и сказали в бюро, выдававшее брачные свидетельства, будто бы у нас лишь одинаковые фамилии, но родственниками мы не являемся, как она заявила, будто бы ее отцом был некто по имени Хайрам Тайлер, и что он давно умер, а также сообщила заведомо ложные сведения о своем возрасте, сказав, что ей двадцать один год. Судья тоже то и дело вмешивался

в допрос, уточняя то одно, то другое, и в конце концов, прокурор заявил:

– Ваша честь, я могу с уверенностью сказать, что это самое шокирующее дело за всю мою судебную практику. Конечно, иногда мне приходилось сталкиваться с делами, связанными с попранием нравственности и общепринятой морали, но здесь мы имеем дело с беспрецедентным случаем, когда двое вполне взрослых людей заявили в государственное учреждение и столь изощренным образом надругались над чиновниками, состоящими на государственной службе, и законами штата. Я не знаю, к каким последствиям все это может привести, но мне хотелось бы просить суд задержать эту девушку для дальнейшего рассмотрения этого дела в суде присяжных.

– Прощение принимается.

Она пыталась возражать, говорила, что я сделал то, что сделал, потому что лбвил ее, что то, что произошло между нами было неизбежно, потому что к тому все шло, и что я хотел, чтобы нас соединяли узы брака, как и полагается, и просто не знал, что это противозаконно. Но это ничего не дало. Судья, подобно прокурору, вцепился в нее мертвой хваткой, и все это время я не переставал думать о том, какое наказание грозит ей теперь за дачу ложных показаний, с каждой минутой все более и более утверждаясь во мнении, что пришло время рассказать все правду, даже если после этого она возненавидит меня, и я уже никогда ее больше не увижу.

– Я беру назад свое предыдущее признание.

– И каким же будет ваше новое заявление?

– Какое новое заявление, ваша честь?

– По обвинению вас в лжесвидетельствовании.

– Мой ответ это обвинение, равно как и на оба предыдущих – не виновен. Эта девушка не является моей дочерью, она мне жена, и пусть кто-нибудь объяснит мне, какой закон я нарушил, женившись на ней.

– Не ваша дочь? Что вы хотите этим сказать?

– Лишь то, что сказал.

– А чья же она дочь в таком случае?

– Человека по имени Моук Блу.

– Не ври!

Этот отчаянный вопль вырвался из ее груди словно сам собой, и, опомнившись, она тут же извинилась за свое поведение.

– Джесс, извини, я не хотела. Я беру свои слова обратно, но только ты должен тоже взять обратно то, что только что сказал. Возможно, ты пытаешься выгородить меня, но я даже слышать об этом спокойно не могу.

– Я не вру, и отречься от своих слов не буду.

– Кто такой Моук Блу?

И тогда я рассказал им, кто такой Моук, как он разрушил мою семью, как потом они сбежали вместе с Белл, и как их роман начался за год до рождения Кейди. Мой рассказ не был похож на заученное наизусть повествование. Я тогда да-

же сам не знал, что скажу в следующий момент.

– И вы узнали, что Моук Блу был ее отцом?

– Я точно знал, что я им не был.

– И тем не менее, вы вырастили и воспитали ее, как собственного ребенка?

– Я не видел ее с того самого дня, как жена уехала, забрав с собой детей, и до прошлого года, когда она приехала сюда и поселилась у меня.

– И вы начали спать с ней?

– Нет, тогда я с ней не спал.

– Когда же это началось?

– После того, как мы поженились.

– Все это время вы жили с ней под одной крышей, и между вами ничего не было, а затем вы вдруг решили во что бы то ни стало жениться на ней. Почему вы не женились на ней раньше?

– Я был уже женат.

– Ага, значит, помимо всего прочего, вы еще и многоженец?

– Моя жена, мое первая жена, ее мать, умерла. И на следующий день после этого я предложил Кейди выйти за меня замуж. Она согласилась, и мы поехали в Гилрой.

– Это вы заставили ее сообщить ложные сведения относительно ее возраста?

– Я просто забыл, сколько ей точно лет.

– А как насчет вымышленного имени отца?

– Уже после того, как мы поженились, она призналась мне, что вписала в графу от отца вымышленное имя – Хайрам Тайлер – и тогда я впервые понял, что она действительно считает меня своим отцом. Я думал, что она знает про Моука.

– Вы не рассказали ей об этом?

– Тогда? Нет. Я пытался, но так и не смог.

– Почему же?

– Вы же сами слышали, как болезненно она восприняла эту новость. Моук был никчемным, жалким ничтожеством, и я подумал, что если я расскажу ей правду про него, то она возненавидит меня до конца жизни. Я же любил ее, и мне этого не хотелось.

– А где сейчас находится этот Моук Блу?

– Я не знаю.

Судья и прокурор переглянулись между собой, и затем судья обратился к Кейди:

– Скажите, юная леди, вы верите в эту историю?

Она не ответила, и тогда он попросил подняться Джейн и задал ей тот же самый вопрос. Она тоже не ответила.

– Есть ли среди присутствующих в зале кто-нибудь из соседей этого человека, кто знал его и его жену, в то время когда они еще жили вместе, и кто может подтвердить или опровергнуть правдивость слов обвиняемого или располагает какими-либо иными сведениями по данному вопросу?

В ответ – тишина. Тогда я сказал, что на животе у Моука

была родинка, похожая на бабочку, и что точно такая же родинка есть и у Дэнни, что эта родинка присуща лишь мужчинам из иего рода, поэтому у Кейди ее нет, а у мальчика есть, но ни судья, ни прокурор даже не соизволили разбудить Дэнни, мирно спавшего на столе с надвинутой от света на глаза шляпкой Джейн. Все, мне пришел конец, я чувствовал это, и Кейди тоже уже ничего не поможет. Это я тоже знал наверняка, пока по чистой случайности мой взгляд не упал на лицо Эда Блу, и по его выражению мне вдруг стало ясно, что еще далеко не все потеряно, что победа все-таки останется за мной, потому что я вырву, выцарапаю из него всю правду, необходимую для моего освобождения. Судья же тем временем уже готовился объявить конец заседанию по моему делу.

– Что ж, Тайлер, до тех пор, пока этот ваш Моук Блу не появится в суде и не представит наглядных доказательств тому, что вы нам тут рассказали, я буду вынужден считать ваши показания не более, чем изоцрненной фантазией, отчаянной попыткой избежать ответственности за несколько серьезных преступлений, так что...

- Он не придет сюда.
- Отчего же?
- Он побоится прийти.
- Чего же ему опасаться?
- Что я убью его.
- А с чего он должен этого бояться?

Он пристально глядел на меня, словно на идиота, ломающего перед ним дурацкую комедию. Я же добился, чего хотел, и именно в этом и был мой спасительный шанс.

– Потому что я велел ему убираться из наших мест по-доброму-поздорову, когда он попытался убить меня из винтовки, которую ему одолжила вот эта лживая крыса, что бессовестно заявила сюда, чтобы свидетельствовать против меня. Это его брат по отцу, и у него на животе тоже есть точно такое же родимое пятно, как и у этого ребенка, но только он молчит об этом, потому что ему очень хочется, чтобы меня уpekли в тюрьму за то преступление, которого я не совершал!

Если вы сомневаетесь в том, что это сообщение произвело эффект разорвавшейся бомбы, то значит вы просто не знаете, какие эмоции переполняют душу судьи, когда он понимает, что кто-то пытается ввести его в заблуждение. У него было такое свирепое лицо, что в какой-то момент мне даже показалось, что он собирается ударить Эда. Он заставил его снять рубашку, и сам осторожно расстегнул костюмчик на Дэнни, как если бы тот был его сыном. И, разумеется, у Эда тоже была та же самая «бабочка» в окружении затейливого орнамента, обведенного красным контуром. Как Эд пояснил суду, эту татуировку ему сделал один мастер из Норфолка еще в те времена, когда он работал кочегаром на железной дороге.

– А у вашего брата, у этого Моука Блу, тоже есть такое

родимое пятно?

– Этого я не знаю, сэр.

– Вы что, хотите, чтобы и вас тоже привлекли к уголовной ответственности за дачу ложных показаний?

– Да, сэр, у него тоже есть такая родинка.

– И только мужчины из вашего рода наследуют ее?

– Таково семейное предание.

Судья забарабанил пальцами по столу, а затем привстал со своего места и пошептался с прокурором. И потом:

– Итак, Тайлер, в свете этого свидетельства, я совсем не уверен в вашей невинности. С моральной точки зрения, все-таки есть что-то странное в том, что вы так и не рассказали этой девушке о том, кто на самом деле является ее отцом, и позволили ей считать, будто бы она совершает нечто предосудительное, сожительствуя с вами. Однако, я убежден, что если эти самые родимые пятна будут предъявлены присяжным, вне зависимости от того, удастся к тому времени установить местонахождение Моука Блу или нет, то добиться от них обвинительного вердикта для вас будет все равно невозможно. Так что я снимаю обвинение. Но если вдруг по этому делу откроются какие-либо новые обстоятельства, то упаси вас Бог снова попасть в какой-нибудь переплет.

– Больше ничего не будет. Я не виновен.

– Да, кстати. А почему все-таки вы сначала решили признать себя виновным? Согласитесь, довольно странный поступок...

– Я же уже объяснил вам. Я просто не хотел, чтобы она узнала.

– О том, что ее отец Моук Блу?

– Да.

– Да уж, видать, вы действительно влюблены в нее.

– Вот и я о том же.

Глава 15

Всю следующую неделю Кейди даже не глядела в мою сторону и почти не выходила из дальней комнаты. Я же по-прежнему ночевал в сарае. Но она пристально разглядывала Дэнни и его «бабочку», и было совершенно ясно, что она пытается свыкнуться со своим новым положением. И затем как-то раз, сидя у камина, когда Джейн готовила ужин в соседней комнате, она подхватила малыша на руки, крепко прижимая его к себе, и проговорила: «Мой сыночек». Она повторяла это снова и снова, и слезы блестели у нее в глазах и безудержно катились по щекам. С того самого дня она стала сама заботиться о нем, ничего не передоверяя Джейн. Тогда же она начала снова замечать меня, присматриваясь ко мне, словно пытаясь что-то подметить. И как-то утром, перед самым рассветом, она пришла ко мне в сарай, освещая себе путь керосиновой лампой, и у меня в голове промелькнула безумная идея, что она пришла помириться и снова стать моей женой. Однако, в следующий момент стало ясно, что это отнюдь не входило в ее планы. Она была полностью одета, и судя по всему, с вечера так и не ложилась спать. Поставив лампу на пол, Кейди присела на краешей моей койки, так, что мне было видно ее лицо, освещенное снизу, но глаз ее было не разглядеть.

– Джесс, с того самого вечера в суде я не перестаю думать,

пытаясь вспомнить, как все было. Всю сегодняшнюю ночь я тоже провела в раздумьях. И теперь мне нужно уточнить одну вещь.

– Я расскажу тебе все, что знаю.

– Когда ты впервые узнал о том, что мой отец – Моук?

– Еще до твоего рождения.

– А откуда?

– Я просто точно знал, что ты не от меня. Этого было достаточно.

– Ты хочешь сказать, что тогда между тобой и Белл ничего не было, и это означало, что моим отцом был кто-то другой, и ты решил, что это был Моук?

– Ну да.

– Почему же тогда он ничего мне об этом не сказал?

– Может быть, потому что Белл ему это запретила.

– Но ей-то какой в этом был резон?

– Возможно, ей было просто стыдно.

– А, может быть, она просто не знала этого.

– Если уж я знал, что к чему, то уж ей, как говорится, сам Бог велел.

– Но ты забываешь о том, что «бабочка» в той семье передается лишь мужчинам. У меня ее не было. Наверное, никто из них ни о чем даже не догадывался до тех самых пор, пока не родился Дэнни, и они увидели его родинку. Скорее всего, именно поэтому у них и начались драки и скандалы. И именно поэтому Моук украл Дэнни. И, возможно, потому

же Белл и попыталась убить его, чтобы не смог мне об этом рассказать.

– Послушай, если уж я знал...

– Джесс, всему этому есть одно простое объяснение.

– Какое же?

– А что, если ты говоришь неправду? Здесь и сейчас. Когда говоришь, что знал обо всем еще до моего рождения, и какие отношения были тогда у вас с Белл, и во всем остальном.

– Если бы да кабы...

Она легла поверх одеяла рядом со мной, разглядывая сбрую, висевшую на крючках у нас над головой. Мы оба молчали, и в конце концов она с уверенностью заключила:

– Джесс, ты лжешь.

– Как угодно. Если тебе хочется так думать – это твое дело.

– Мы не знал этого, когда мы каждый день отправлялись в шахту и гнали там самогон, а потом ехали в город, чтобы продать его.

– С чего ты это взяла?

– Я уже тогда пыталась соблазнить тебя.

– Я специально держал тебя на расстоянии.

– Но почему?

– Ты что, не слышала, что я сказал в суде? Тогда я был еще женат.

– Джесс, не смей меня.

– Чего в этом смешного? То, что я был женат?

– Джесс, когжа мужчина желает женщину так же сильно, как хотел меня ты, то его не остановит ничто, а уж тем более мысль о том, что он женат. И что ты пытаешься мне доказать? С Белл ты не жил целых восемнадцать лет, и ты думаешь, что лишь потому, что тебе было лень оформить с ней развод, я поверю в то, что ты по-прежнему считал себя связанными брачными узами? Но вот заниматься любовью с собственной дочерью – это уже совсем другое дело. Для тебя это было из разряда тех соблазнов, которые во что бы то ни стало нужно побороть. Это очень омрачило бы твои воскресные походы в церковь, где ты пел гимны и волновался из-за адова пламени, уготованном тебе после смерти. Слушай, Джесс, ну почему ты не признаешься? Ведь ты тогда считал меня своей дочерью.

– Мне не в чем признаваться.

Уже начинало светать, а она все еще лежала рядом со мной и, немного помолчав, проговорила:

– И в тот день, когда умирала Белл, ты тоже не знал, что я не твоя дочь.

– Похоже, ты уже все за всех решила сама.

– Тебе не давал покоя вопрос, почему она пыталась прикончить Моука. Если бы ты знал все самого начала, то разве не понял бы сразу, что к чему? Но нет, тебе это тогда даже в голову прийти не могло.

– Я же уже говорил. Я думал, что ты уже и сама все зна-

ешь, и просто не хочешь мне об этом говорить. Позднее, поняв, что ты все еще пребываешь в счастливом неведении, я наконец начал понимать, почему она отважилась на такую дикость и примчалась сюда.

– А как же тогда быть с днем моей свадьбы?

– Нашей свадьбы.

– Нашей, черт возьми. Для меня этот день был и остается днем свадьбы, но только не нашей. Но только не ври и не говори, что и тем утром ты знал обо всем. Ты больше не был женат, и тем не менее собирался выдать меня замуж за Уоша и радовался этому. Будь я твоей дочерью, это еще имело бы смысл. Но вот так печься о счастье для дочери Моука? Совершенно посторонней женщины, не связанной с тобой никакими рудственными узами, и которую ты так сильно желал, что не мог даже спать по ночам? Ну уж нет, Джесс. Ты узнал обо всем именно в тот день. Я сразу подумала, что между твоим исчезновением и быстрым отъездом Уоша есть какая-то связь. И это ощущение не покидает меня до сих пор.

– Понятия не имею, о какой такой связи ты говоришь.

– К тому же Моук с того самого дня тоже больше не объявлялся. Возможно, тут тоже есть какая-то связь. Если ты видел его, то почему не сказал об этом мне?

– Я хотел забыть Моука.

– Тогда почему ты ничего не сказал Эду Блу?

– Мне было неприятно о нем вспоминать.

– Все-таки странно, что ты сразу не сказал Эду и про винтовку, и про то, как велел Моуку держаться подальше от этих мест⁷ Короче, все то, что потом рассказал судье.

– Пусть поищет свою винтовку.

– Кстати, а где она?

– Я выбросил ее в ручей?

– А где Моук?

– А я откуда знаю?

– Джесс, ты ведь убил Моука, не так ли?

Я еще раньше догадался, к чему она клонит, и по спине у меня побежали мурышки. И тут я дал маху. Я вдруг выкрикнул «нет», хотя до того в течении примерно трех секунд старался изобразить искреннее удивление, сделав вид, что я не понимаю, о чем идет речь. Когда этот дурацкий вопль вырвался из моего горла, она лишь посмеялась над моим замешательством. Это был холодный, злой смех, звучавший, как приговор.

* * *

Когда я пришел к завтраку, то тарелки на столе передо мной расставила сама Кейди. Когда же в комнату вышла Джейн, то она была одета так, как будто куда-то собиралась – она была в шляпке и плаще.

– Джесс, я дожидалась тебя, чтобы проститься.

– И куда ты теперь?

– Скорее всего, вернусь в Блаунт.

– Ты решила уехать от меня?

– Вообще-то, теперь, когда Кейди так хорошо заботится о Дэнни, мне здесь больше нечего делать. К тому же один человек предложил мне работать у него в кафе, ему срочно нужен помощник, который помогал бы ему управляться с делами. И я решила согласиться.

– Вот так вдруг?

– Нет, не вдруг. Я долго думала об этом.

Она старалась вести себя естественно, а сама невольно нервно теребила ручку своего саквояжа, и мне стало казаться, что для этой поездки у нее есть какая-то иная причина, о которой она просто не хочет мне рассказывать.

– Что ж, я тебя отвезу.

– Я поеду на автобусе.

– Тогда я могу подвезти тебя до шоссе.

– Ничего, я и пешком дойду.

– Дать тебе денег?

– Спасибо. У меня есть.

* * *

Так как проснулся я в тот день довольно рано, то уже вскоре после обеда меня начало клонить ко сну. Не знаю, как долго я спал, но только проснувшись, я увидел перед собой Кейди. Она была одета так, как будто собиралась куда-то.

– Прощай, Джесс.

– А ты куда собралась?

– Еду выходить замуж.

– Когда?

– Как-нибудь на будущей неделе.

– Но у тебя уже есть муж. Ты что, забыла об этом?

– Нет, не забыла.

– И о каком замужестве тогда может идти речь?

– Ничего, думаю, до будущей недели все устроится.

– Ничего не понимаю.

– Поймешь.

– И кто же этот счастливчик?

– Уош.

– Так он что, снова, выходит, передумал, а?

– Он наконец-то узнал правду. Приехав в Блаунт, Джейн позвонила ему. Вообще-то, наверное именно для этого она и отправилась туда.

– Я знал, что она не назвала мне настоящую причину.

– Она позвонила ему, они встретились, и он был просто-таки вне себя, когда узнал, что у нас тут творилось, потому что по радио объявили лишь о том, что тебя арестовали, но вот о том, что тебя отпустили в газетах не было ни строчки, ведь они так не любят писать о том, как кому-то удалось избежать наказания. Джесс, ты сказал ему, что Моук – отец Дэнни. Мне же ты сказал, что Моук – мой отец. И оба раза ты лгал. Мой отец ты. Но только ввести нас в заблуждение и

в третий раз тебе не удастся. Тебе это ясно? Ты понимаешь, почему на будущей неделе я смогу выйти замуж на вполне законных основаниях?

– Тебе не принесет это ничего, кроме кучи неприятностей.

– Я так не считаю.

– Люди шерифа до всего докопаются, можешь не сомневаться.

– Мы сами им расскажем.

Странная все-таки штука жизнь: она никак не могла и не хотела смириться с правдой, а я убил единственного человека, который мог бы подтвердить истинность моих утверждений. А когда изложит им свою версию правды в том виде, как она себе это представляет, то никакой суд не сможет осудить ее за то, что она собиралась сделать со мной.

НА улице снова начался дождь, и сквозь щель в стене сарая я видел, как она бежит по дороге к его машине. Верх автомобиля был поднят, но мне все же удалось заметить сидевших в салоне Джейн и малыша. Она забралась внутрь, хлопнула дверца, и машина отъехала. Я бросился в хижину за винтовкой. Но ее не оказалось на месте. И револьвер тоже исчез. Тогда я надел шляпу и плащ и направился к сараю, в котором стоял грузовичок, чтобы без промедления отправиться в Карбон-Сити и просить защиты у шерифа. Но стоило мне лишь подойти к двери, как прогремел выстрел. Пуля угодила в притолоку, отчего во все стороны полетели ост-

рые щепки. Я бросился обратно в дом, и вторым выстрелом у меня с головы сбило шляпу. Я бросился на пол ничком, и дождавшись темноты, решил позти по-пластунски. Из хлева доносился рев голодной скотины, подхваченный коровами, пасшимися ниже по ручью, но я боялся выходить на улицу. Позднее, собрав кое-что из еды, которую можно было приготовить без огня – ибо я опасался, что через щели в стене свет может быть замечен с улицы – и наскоро подкрепившись, я забрал все свои деньги, надел плащ и пополз по пластунски вдоль дороги. Вслед мне несся поросячий визг, куриное кудахтанье, а также рев мулов и жалобное мычание голодных и недоенных коров. Мне удалось проползти около двухсот ярдов, когда что-то больно ударило меня по ноге, и я услышал выстрел. Я заполз обратно в хижину, обработал рану и остановил кровотечение.

* * *

Дождь льет не переставая вот уже целую неделю, и все это время они терпеливо караулят меня, а я пишу эти заметки. Может быть, у них действительно нет иного выхода, как только убить меня, чтобы положить конец всей этой дурацкой истории и быть снова вместе. Возможно, когда-нибудь они даже будут рассказывать об этом. Но я тоже должен изложить свою точку зрения, ибо не сделал ничего предосудительного и до сих пор убежден в своей правоте. Я рассказал

ему то, что сам на тот момент считал правдой, и если бы он был о ней более высокого мнения, то мог бы сам отправиться к ней и дать ей шанс оправдаться. Когда же я выяснил, как обстоят дела на самом деле, то она была уже сама готова броситься на шею любому мужчине. И напоследок лишь хочу сказать, что я люблю ее так же сильно, как и он. Вот вкратце и все. Здесь я ставлю точку, и сегодня ночью я уйду и прихватчу свои заметки с собой. Возможно, все еще образуется, и тогда никому и ничего не придется доказывать, и они все же придут к выводу, что для того, чтобы быть вместе, вовсе не обязательно кого-либо убивать. Рана у меня на ноге подживает, и к тому же кое-что они все же упустили из виду. Они забыли про шахту.

Дождавшись темноты, я выбрался из дома, выше по течению перешел через ручей и сумел выбраться на тропу, так и оставшись незамеченным. Добравшись до штрека с бревенчатыми подпорками и углубившись подальше в туннель, решил наконец-таки зажечь карбидную лампу, справедливо полагая, что ее свет не будет виден с дороги. Теперь мне оставалось лишь спуститься на дно шахты, оттуда подняться по лестнице вверх, погасить огонь, а затем просто соскользнуть вниз по склону с другой стороны и выйти на дорогу, оказываясь примерно в миле от того места, где мои недоброжелатели устроили засаду. Оттуда совсем недалеко до остановки автобуса, и я буду в безопасности. Но разжигая лампу, я нечаянно уронил ее, и в темноту бьюло слышно, как щелк-

нула откинувшаяся крышка, и карбид рассыпался по рельсам. Опустившись на колени, я принялся шарить руками по земле, пытаясь нащупать хотя бы несколько комочков, но тут до моего слуха донеслось нечто такое, отчего у меня просто кровь застыла в жилах. Это был Моук погребенный мною в нижнем туннеле. Он разгребал завал, орудуя стволом винтовки, как заступом, и пытаясь выбраться наружу. Ударив три-четыре раза по глыбе, он вставлял ствол в образовавшуюся между камнями щель, налегал на свое орудие, сдвигал кусок породы, после чего начинал все заново. Дико вскрикнув, я бросился к выходу, но споткнулся и упал, напоследок больно ударившись головой. Когда я пришел в себя, он был уже совсем близко, и бряцание стало гораздо более отчетливым. Не помню как, но мне все же удалось выбраться оттуда. Когда я возвратился сюда, уже начинало светать.

* * *

На улице по-прежнему идет дождь, но уже совсем светло. Прислушиваясь к стуку дождевых капель по крыше, я, кажется, понял, что было в шахте. Конечно же, никакой это был не Моук. А звук капель, разбивающихся о камни. Теперь, когда я нашел всему разумное объяснение, мне больше не страшно, и сегодня же ночью я выберусь отсюда.

* * *

Все пути к отступлению отрезаны. Эд Блу наступает и

BOT...